

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

ПЕХОТИНЦЫ

НОВЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин

Пехотинцы. Новые интервью

«Яуза»

2021

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Драбкин А. В.

Пехотинцы. Новые интервью / А. В. Драбкин — «Яуза»,
2021 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-00155-348-9

Подавляющее большинство солдат Великой Отечественной – это не танкисты и летчики, а пехотинцы, и гибли они гораздо чаще, чем представители других родов войск. Именно рядовые бойцы и младшие командиры Красной Армии вынесли на своих плечах основной груз войны и взяли штурмом Берлин. В новых интервью проекта «Я помню» вы услышите живые голоса ветеранов-фронтовиков, разгромивших казавшийся непобедимым Вермахт. «В боевой обстановке мысль возникала только одна: нужно прорваться вперед и сделать так, чтобы тебя не убило...» «Для пехотинца самое страшное – это фаустпатрон... Немец успеваешь бахнуть в нашу машину, и болванка падает на моторную часть и на затворную часть самоходки. С нашей машины, кто там был, а это 25 человек, не осталось ничего, одно только мясо!..» «У немцев очень хорошо было поставлено взаимодействие пехоты с авиацией, артиллерией и танками. Даже батальон немецкий мог в случае неудачной атаки на наши позиции вызывать эскадрилью самолетов, которая бомбила нас. Затем шел обстрел артиллерии, и затем повторялась атака с танками и пехотой...» «Во время немецкой атаки за нашими спинами ударили гвардейские минометы «Катюши». Но их реактивные снаряды то ли не долетели, то ли координаты установили ошибочные, одним словом «катюшники» чесанули по моей роте...» «Мы атаковали практически вслепую, перерезали коридор, понесли колоссальные потери. Но через два дня немцы подтянули дополнительные силы, отбросили нас...» «Многие думают, что на фронте без конца бегают и стреляют, как в детских играх. Это ж не война, в кино только так показывают...» В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-348-9

© Дрaбкин А. В., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Мережко Анатолий Григорьевич	7
Ликвер Михаил Львович	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артем Драбкин

Пехотинцы. Новые интервью

© Драбкин А.В., 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

Мережко Анатолий Григорьевич

Меня зовут Мережко Анатолий Григорьевич.

Как вы восприняли начало войны?

Мы все были заражены лозунгом, что «врага будем бить только на чужой территории, ни пяди своей земли не отдадим». Мало информации у нас было о техническом оснащении немецкой армии. Мы считали, что у нас вооружение чуть ли не первоклассное, не самое лучшее, и поэтому думали, что немцев мы в ближайшее время расколотим.

Я окончил училище в июне 1941 года и ехал в отпуск в Ростов. В вагоне ко мне подходят люди и говорят: «Товарищ лейтенант, началась война». Это было часов в девять утра. Я говорю: «Какая война? Ведь недавно было сообщение ТАСС, что у нас такие взаимоотношения с Германией и это провокации всё, все-все разговоры о войне». Приезжаю в Ростов, выхожу на площадь. Из репродуктора слышу, что в 12 часов будет передаваться правительственное сообщение. Выступает Молотов и говорит о войне. Я появился в военкомате, мне говорят: «Немедленно отправляйтесь в свою часть». А меня как отличника учебы оставили командовать взводом в училище. Я приезжаю в Майкоп, где мы располагались в лагерях, мне говорят: «Вам нужно ехать в Сочи, училище перебросили в Сочи для обороны Черноморского побережья и продолжения обучения оставшихся курсантов». И вот в Сочи я командовал взводом, занимал оборону побережья примерно километров десять.

Через восемь месяцев назначили заместителем командира роты. И у нас появились курсанты – командиры запаса из западных областей. После окончания обучения вызывает начальник училища и говорит: «Курсанты-выпускники просят, чтобы вы их проводили на фронт». И мне пришлось взять их в Керчь. Приезжаем, станция Тоннельная такая есть, в эшелонах. Керчь сдана. Поселок запружен бегущими солдатами. Они рассказывали, как переправлялись через Керченский этот самый пролив на Таманский полуостров. Буквально на плетнях, буквально на бревнах, буквально на мешках с сеном. В общем, кто как бежал со страшной силой. Мне пришлось ехать в Краснодар. А в Краснодаре в то время главкомом Юго-Западного направления был Будённый. Будённый мне и говорит: «Лейтенант, своих лейтенантов, чтобы никто не знал, отправляйте в Новороссийск. Из Новороссийска повезете их в Севастополь». И вот мне пришлось двести человек везти в Севастополь. Причем в море нас бомбили, торпедировали, но благополучно двести человек доставил в Севастополь. Там впервые познакомился с Крыловым, он был начальником штаба Отдельной Приморской армии, полковником. И с Петровым, который командовал Приморской армией. И оба – обаятельные люди, причем кадровики. Спрашивают меня: «А вы кем в училище?» Говорю: «Я – заместитель командира роты». А они: «Слушай, оставайся у нас, станешь заместителем командира батальона, а то и командиром батальона». И я практически дал согласие, что остаюсь. Вызывает меня начальник отдела кадров. Ну, расспросил кто и что. А у меня жена была уже беременная. Он говорит: «Вот что, сынок, у тебя предписание привезти и идти, возвращаться на Большую землю. Пока есть у тебя возможность, сегодня отходит лидер «Ташкент», уходи на нем, пока не поздно». И действительно, это был предпоследний поход этого самого «Ташкента», в следующий поход его немцы торпедировали и потопили.

На память дорогой
мелюшке о днях разлуки
и большого события
в нашей жизни.

Антоний

Дубовка 25.6.42.
Стоят Дураков, Вилесев
Зубащенко, Колесник. Сидят
Меретко, Герман, Барашкин

А когда началось отступление, было ощущение у вас, что можете проиграть?

Вы знаете, элемент безысходности какой-то, непонятности, почему мы отступаем, был. Что мы проиграем войну – такой мысли не было, особенно воспрянули после Московской битвы. Я вам говорил, что 20 лет не было, а я уже вступил в партию. Может быть, это влияло в большей степени.

Когда вы попали на фронт?

Летом 1942-го. Бои под Сталинградом я начал, будучи командиром роты курсантов курсантского полка 17 июля 1942 года на станции Суровикино, куда было переброшено 2-е Орджоникидзевское военно-пехотное училище, преобразованное в курсантский полк и подчинен-

ное 62-й армии. Для прикрытия разгрузки училища из эшелона была организована группа бойцов. Мы были слабо вооружены, для вооружения этой группы собирали оружие практически со всего батальона. И под моим командованием эта группа была выдвинута на западную окраину станицы Суровикино, сейчас город Суровикино. Только мы успели выйти на западную окраину, развернуться в боевой порядок, как вдали показались клубы пыли и группа немцев – несколько мотоциклистов и бронетранспортер с пехотой. Подпустили их метров на 500, мы были еще не обстрелянные, немцев видели первый раз живыми на таком расстоянии, мы открыли огонь из пулеметов, может быть, несколько преждевременно. Но, короче говоря, несколько человек ссадили с мотоциклов, эта группа развернулась и ушла в степь. Этот первый бой воодушевил нас, и не только нас – участников этого боя, а всё училище. Решили, что мы, курсанты, можем бить немцев. А немцы, получив даже небольшой отпор, не приняв боя, моментально ретировались назад. И вот с этих пор начались наши бои с отходом к Дону. Затем между Доном и Волгой, в городе, училище уже в боях не участвовало. Ну это я несколько забежал вперед. В 1941 году сложилась такая сложная обстановка в стране и особенно в Красной армии, что не хватало оружия. Ведь все оружейные склады были на западе, а запад был оккупирован немцами, и практически все склады попали в руки немцев. Поэтому у училища постепенно начали отбирать оружие: винтовки, пулеметы, минометы, пушки, оставляя только минимально необходимое количество вооружения для обучения курсантов, для несения караульной службы. Я служил заместителем командира курсантской пулеметной роты. Так вот вместо девяти пулеметов в роте всего оставили один станковый пулемет максим, один ручной пулемет, пять боевых винтовок для несения караульной службы, пять учебных винтовок для обучения рукопашному бою. Вот всё вооружение, с которым мы прибыли в Суровикино. Правда, там, на станции, небольшую часть вооружения нам дали, но пришлось прибегнуть к такому методу вооружения: я взял человек пять курсантов поздоровее, в основном ростовчан (училище было переброшено с Северной Осетии, поэтому укомплектовано было в большой степени курсантами местных национальностей – грузинами, осетинами, болгарами, дагестанцами, даже был один курд). Вышли на перекресток полевых дорог и начали останавливать небольшие группы бежавших из-под Харькова. Не бежавших, а еле плетущихся, совершенно потерянных солдат, красноармейцев, командиров. Если у них было оружие, то предлагали его сдать нам. Начинались перепалки. Ведь за явку на сборный пункт без оружия могли и расстрелять. Я вырывал лист из учебной тетради, где стояла печать учебного отдела училища. На этих листиках писал расписку, что в таком-то районе у красноармейца такого-то или там лейтенанта такого-то отобран карабин со штыком, винтовка с пятью патронами для вооружения курсантского полка. И многие даже с благодарностью отдавали оружие. Потому что идти 400 километров от Харькова до нашего рубежа, не имея ни питания, ни командования никакого, ни цели, – это тяжело. Все были настолько угнетены и потеряны, что даже с радостью иногда отдавали это оружие. Вплоть до того, что мы однажды отобрали даже повозку с кабелем и телефонными аппаратами, которые нам потом пригодились. Потому что училище как таковое, преобразованное в полк, не имело штаба, практически роль штаба выполнял учебный отдел и строевой отдел училища и отдел кадров. Не было артиллерии. Было две-три пушки для изучения материальной части. Роты связи как таковой не было. Училище располагалось стационарно, пользуясь городской связью. Не было своего медико-санитарного пункта, потому что училище пользовалось гарнизонной поликлиникой. С нами пришло несколько медсестер, в основном жены офицеров. Абсолютно не было тыла. В училище курсантов обслуживали официантки, повара были гражданские, никаких полевых кухонь у нас не было. Было только три стрелковых батальона – по 500 с лишним слабо вооруженных человек. Главным оружием чуть ли не 30 % курсантов была саперная лопата.

Училище самостоятельно не воевало, а, как правило, раздавалось побатальонно, дивизиям первого эшелона 62-й армии. Мы выполняли роль арьергардов отступающих к Дону

частей. Нас оставляли, как правило, на широком фронте. Мы целую ночь вели неприцельный огонь, чтобы обозначить рубеж обороны, показать, что оборона жива. А к утру отходили на очередной рубеж под бомбежкой авиации и под нажимом пехоты и танков противника. И так продолжалось почти еженощно и ежедневно. Иногда приходилось отходить буквально по сожженным, может быть, и нашими солдатами, и немцами, созревшим хлебам пшеницы. И вот, когда это всё горело, в этом дыму, пламени, выходили мы буквально как негры – черные от копоти и пыли, в прожженной одежде. Это страшно. Еще страшнее было смотреть старикам, женщинам, детям в глаза, а мы отходили, еще раз повторяю, последние. Прямо говорили: «Сынки, вы нас бросаете на поругание немцам». Эти упреки выслушивать – буквально слезы на глаза навораживались. Но ничем мы не могли действительно остановить немцев.

Но если вначале противник продвигался на 10 километров, то в конце концов дело дошло до двух-трех километров в сутки. Тем не менее на нас давило: «Ну почему мы всё время отходим?» Казалось бы, мы отразили атаку немцев, нанесли им большие потери, подбили несколько танков, их атака захлебнулась, рубеж мы удержали. И вдруг приказ отходить. Иногда мы оставляли хорошо подготовленный в инженерном отношении рубеж, а отходили на три-пять километров на восток, в чистое поле, где малыми лопатами долбили буквально каменную сталинградскую землю, для того чтобы выкопать окоп хотя бы для стрельбы с колена, чтобы хотя бы какое-то укрытие было от авиации. Причем авиация противника была главным бичом, она буквально издевалась над всем живым, что попадало в её поле зрения. Обычно самолеты делали три захода. Первый – бомбили изрядно, второй заход – вели огонь из пулеметов и пушек по позиции и третий заход – просто снижались буквально до высоты нескольких метров. Ходили чуть ли не по головам, с ревом носясь над нашими позициями, морально подавляя звуком сирен, прижимая всех к земле. Были такие случаи, что они бросали вместо бомб колеса тракторов или комбайнов, бочки из-под горючего с пробитыми дырами. И эта масса летит с большой высоты, издает ужасающий звук, который буквально в землю вжимает. Ты ждешь необычайного какого-то взрыва, потому что звук сильно отличается от падения обычной бомбы, и вдруг падает колесо или бочка.

Нужно сказать, что у немцев очень хорошо было поставлено взаимодействие пехоты с авиацией, артиллерией и танками. Даже батальон немецкий мог в случае неудачной атаки на наши позиции вызывать эскадрилью самолетов, которая бомбила нас. Затем шел обстрел артиллерии, и затем повторялась атака с танками и пехотой. И вот отразим эти атаки, удержим позицию... А потом отходить на очередные рубежи очень обидно. Мы-то из окопов не видели обстановки. Почему нас отводят назад? А оказывается, на флангах 62-й армии немцы сосредоточили большие группировки своих войск и в конце концов окружили части 62-й армии в большой излучине Дона. Где-то к 10 августа они окружили шесть дивизий, то есть все дивизии первого эшелона 62-й армии на восточном берегу, и раздробили на мелкие группы. И вот эти мелкие группы или попали в плен, или были уничтожены. Немногим удалось выйти на восточный берег Дона. В частности, командир 35-й гвардейской дивизии Глазков вывел за Дон 120 человек.

Надо еще сказать, что мы страшно страдали от отсутствия воды. Я помню, почему-то привезли водку в ящиках. Стоит в окопе водка белая, прозрачная, а, ребята, нам нужна была бы вода. Так мы иногда водку меняли на воду! Пытались водку заливать в кожухи станковых пулеметов, но очень быстро выходили из строя сальники, закипала водка в кожухах, и пулеметы отказывали. Арьергарды отходили к станице последними, отходящая перед нами масса войск вычерпывала всю воду из колодцев до последней капли. Мы приходили, ведром выбирали ил, разливали ил по котелкам, ждали, пока над илом образуется небольшой слой воды. И вот этот слой воды по котелку раздавали по взводам, главным образом помазать губы, а потом ждали, когда, когда еще наберется воды, чтобы заправить пулеметы. В общем, безводица было самое-самое страшное для нас после авиации противника.

Еще хотелось один случай вспомнить: коровья, так называемая, атака. Однажды занимаем оборону на каком-то рубеже, вдруг идет стадо коров. Когда мы присмотрелись поближе, увидели, что за коровами идут немцы. Открыли огонь по коровам, всё равно их сзади подгоняют. И вдруг кто-то говорит: «Вы знаете, что коровы боятся пожаров. Сейчас десять человек с бутылками с зажигательной смесью вперед, и на максимальном удалении от нас одновременно бросим бутылки, создадим огневую завесу, коровы повернутся и побегут назад». И так действительно и получилось, что десяток человек взяли по две-три бутылки с зажигательной смесью, одновременно бросили раз, второй раз. Пламя на 300–400 метров по фронту, коровы передние уперлись головами, развернулись и начали топтать немцев.

Когда мы с боями отошли к Дону, вышли из устья оврага в районе Калача на речной пляж, нас с нашей стороны обстреляли из пулеметов. Мы пытались показать, что мы свои, но не получалось. Я, донской казак, хорошо плавал. В конце концов командир батальона приказал за пилотку заложить удостоверение личности офицера и партийный билет, переплыть Дон и объяснить, что мы свои. Переплыл. Какой-то капитан. Объяснился я ему, показал удостоверение, нашлись у него лодки, они все угнали их уже на восточный берег. На лодках мы переправили своих раненых, тяжелое вооружение и впервые почти за месяц боев, с 17 июля, а это было где-то числа 8–9 августа, в хуторах в станицах Мариновка и Карповка мы поели горячей пищи, помылись. Представьте себе, мы завшивели страшно, а на 40-градусной жаре гимнастерки наши стали дубовыми, пропитавшись солью. В Карповке впервые увидели банно-прачечный комбинат. Женщины полуголые работали. Они нас научили, как бороться с этими вшами, продавливая швы одежды горячими камнями. Там мы простояли несколько дней, привели себя в порядок, и нас срочно перевели на внешний средний обвод обороны Сталинграда, в район Большой и Малой Россошки. С 10-го по 20-е число августа немцы были заняты уничтожением окруженных частей 62-й армии и активных действий по форсированию Дона не предпринимали. Поэтому мы привели себя в порядок в Карповке, в Мариновке.

Сколько к этому времени оставалось людей в полку?

Отходя на очередные позиции, если это был только планомерный отход, там после отражения атаки мы иногда успевали похоронить своих погибших товарищей, в основном используя для этого воронки от бомб и снарядов. И единственным памятником, который мы могли поставить на могиле курсанта, это была каска. Голая выжженная степь, не найдешь даже кола для того, чтоб поставить на могиле, обозначить. Просто каска и жидкий залп огня, потому что очень экономили патроны. А часто отходили и оставляли своих убитых непохороненными на земле, захваченной немцами. В Карповку из 120 человек пришло примерно 90.

В 20-х числах августа нас отвели на средний обвод обороны. 22-го немцы в районе Песковатки форсировали Дон. 23 августа был самый страшный день не только для Сталинграда. На рассвете, часа в четыре, видим, возвращаются с задания четыре наших ТБ-3. Видимо, бомбили, может быть, аэродромы в районе Миллерово или Тацинской, может, еще что-то, я не знаю. Появляются два мессершмитта. Один бьет головной ТБ-3, второй бьет хвостовой, делают разворот, круг, опять пикируют, бьют средних два. И на протяжении десяти километров где-то в степи мы видим четыре колоссальных костра от этих сбитых самолетов. Несколько человек из экипажей выпрыгнули из этих самолетов на парашютах. Немцы после того, как сбили эти самолеты, начали расстреливать парашютистов. Мы смотрели, и, вы знаете, такая злоба, такая ненависть была, что готовы были глотку рвать немцам зубами. Но близок локоть, да не укусишь. Ничем мы этим беднякам-летчикам помочь не могли.

А чуть позже раздался гул в степи и ринулась масса танков противника. Это 14-й танковый корпус противника с плацдарма, который они захватили накануне, прорвал оборону двух наших малочисленных дивизий. Не встречая никакого сопротивления, буквально парадным маршем двинулся на Сталинград. На острие удара этого корпуса оказался наш правофлан-

говый курсантский батальон. Небольшое количество танков отсоединилось от этой парадной колонны и буквально раздавило всех, кто там был. У нас не было средств настоящей борьбы с танками, только два-три ружья противотанковых в роте, а основное оружие – противотанковая граната и бутылка с зажигательной смесью. И вот танки приходили на окоп или на траншею, разворачивались на одной гусенице и хоронили живьем курсантов в этих траншеях. Мы смотрели на этот бой примерно с километра-полтора и ничем не могли помочь, сжимали в руках эту бутылку, эту гранату, но на полтора километра её не бросишь. Буквально все курсанты высыпали наверх, и все рыдали. Не плакали, а рыдали от бессилия, видя, как гибнут товарищи и мы ничем не можем помочь. И видели этот парадный строй танков, двигавшихся в направлении Сталинграда.

Где-то часов в 16 появилась армада самолетов, причем шли в несколько ярусов в направлении Сталинграда. Началась бомбежка города. Мы прекрасно знали, что в Сталинграде находится, помимо самого местного населения, большое количество эвакуированных с Украины и даже из Ленинграда. И мы, находясь в районе Большой Россошки, это примерно в 45 километрах восточнее Сталинграда, наблюдали эту бомбежку и клубы горящей нефти, черного дыма, поднимавшиеся на несколько километров в небо. Стояла чудесная светлая погода, жаркий день, август, ночью – сплошное зарево над Сталинградом.

Вот много говорят о приказе 227. Я немножко возвращусь назад и скажу о заградотрядах. Мы их не видели. Для нас заградотрядом был горящий Сталинград или те деревни, те станицы, которые мы оставляли. И плачущие люди – вот для нас что было заградотрядом.

Приказ вышел 27–28 июля и где-то в эти же дни был зачитан нам. Мы, курсанты, его восприняли как лекарство от постоянных отступлений. Нам надоело отходить, мы бьем немцев и вдруг отходим. Как же так? Ну приказ, в конце концов, ставит преграду этому, значит, наш отход прекратится. И тем не менее отходы продолжались, были разговоры о том, что приказ очень строгий, было создано большое количество заградотрядов, всё это так. Но дело в том, что нужно было прекратить ту панику, которой были охвачены практически все части. Тем более, не дай бог, если они поучаствовали в Харьковской операции. Они настолько были напуганы не только пехотой, танками, авиацией, просто при одном слове «немец»... Не только танки, не только обход, окружение, а просто «немец» – уже готовы были бежать. И приказ этот ставил всё на свое место. Кстати говоря, на Сталинградском, Донском, Юго-Западном фронтах было организовано несколько десятков заградотрядов. Их действия я ни разу не видел. Задержали они, эти отряды, более 130 000 бежавших из своих частей солдат, красноармейцев и командиров. Причем всего было расстреляно, по данным НКВД, которые были опубликованы, 1200 человек. По приговору трибунала или паникеров на поле боя – 1200 человек. Более 130 000 были направлены вновь в войска. Целая армия бежала, а они были вновь возвращены.

У вас в полку перебежчиков не было?

Вот вспомнил один случай. Немцы над нашими позициями бросали листовки с пропуском – нарисовано окружение, выход и написано: «Сталинские дьяволята, бейте своих командиров, сдавайтесь, не то вы будете все уничтожены». И в один из дней находились наши позиции друг от друга в метрах трехстах. Вдруг немцы объявляют в громкоговоритель: «Смотрите, что с вами будет, если вы не сдадитесь». Смотрим, выводят на бруствер полураздетых пять человек и расстреливают на наших глазах. Ну здесь без команды мы открыли из винтовок и ПТР огонь... Я, во всяком случае на своей родине, не знаю, чтобы кто-то перешел к немцам. Дело другое, что при отходе многие приставали к другим частям, потому что настолько плохое было управление войсками, настолько плохо был организован отход на очередные рубежи, что перемешивание частей было страшнейшее. Больше того, скажу, что вот я, как командир роты, не имел топографической карты. Представьте себе, вести бой, не имея топографической

карты, не зная, куда ты... Говорят: «Будешь отходить на восток», – и дают ориентиры. Иногда командир батальона на листике рисовал схему.

23-е число, в конце концов, кончилось. 24-го нас ориентируют, что вместе с 35-й гвардейской дивизией, вновь подошедшей на это направление, мы будем контратаковать немцев с целью перерезать этот восьмикилометровый коридор, который образовал 14-й танковый корпус, прорвавшийся на северной окраине Сталинграда к Сталинградскому тракторному заводу. С юга будет атаковать одна группа, с севера другая группа, и мы соединимся и перережем. Но, вы знаете, ни артиллерийской подготовки, ни авиационной подготовки для обеспечения вот этой атаки 35-й дивизии и нашего курсантского полка проведено не было. Практически даже разведка как следует не была проведена. Мы атаковали практически вслепую, перерезали коридор, понесли колоссальные потери. Но через два дня немцы подтянули дополнительные силы, отбросили нас, и это был последний, пожалуй, бой курсантского полка Орджоникидзевого военно-пехотного училища. Потом Лопатин говорит: «Довольно им воевать рядовыми, у нас не хватает командиров взводов, нужно их выводить за Волгу, выпускать и присваивать звания лейтенантов, давать им командовать взводами». Действительно за Волгу вышли из более полутора тысяч человек всего-навсего 250, курсантов из них – 120 человек, среди них Пётр Болото, который стал Героем Советского Союза. Ему присвоили звание младшего лейтенанта, а 120 курсантам – звание лейтенанта. И все они были назначены командирами взводов, командирами рот в войска 62-й армии. На этом боевые действия курсантского полка закончились. А с Петром Болото было так. После боя мы занимали оборону в степи. И вдруг видим, движется группа из четырех человек. Рассмотрели – свои, идут с противотанковым ружьем. По нему и определили, что это свои. Выходят к нам, Пётр рассказывает: «Вот мы, четыре человека с двумя противотанковыми ружьями, практически целый день оборонялись, отразили несколько атак танков противника, до 30 танков нас атаковало, из них мы уничтожили 15 танков двумя противотанковыми орудиями». Мы отнеслись с полным недоверием к этому рассказу. И я не знаю, чем-то я ему приглянулся, чем-то он мне приглянулся, я ему говорю: «Знаешь что, друг, оставайся-ка здесь». А три других его друга-товарища говорят: «А мы пойдем искать части своей дивизии». Я ему говорю, что их 33-я гвардейская дивизия практически вся погибла на восточном берегу. Три человека ушли, а он у нас остался старшиной. Подтверждением этого боя стал указ о присвоении Петру Болото, как командиру этой группы, Героя Советского Союза, а трех его товарищей наградили орденами...

После выпуска училища нас вначале зачислили в резерв армии, а затем распределили группами по отделам штаба. И я попал офицером связи в оперативный отдел. Вот Крылов так пишет об этом: «Передо мной в один из трудных октябрьских дней – старший лейтенант Анатолий Мережко. Небольшого роста, худенький, так предстал передо мной. Худенький, с медалью «За отвагу» на пропотевшей, пропыленной гимнастерке. Медаль он заслужил в боях у Дона, командуя пулеметной ротой курсантского полка. А в штаб армии был взят совсем недавно и мне докладывал, впервые, не помню, на какой участок обороны, в какую дивизию он послался. Запомнилось, однако, с какой уверенностью излагал он установленные им факты, детали обстановки, чувствовалось, что за точность своего доклада 20-летний лейтенант готов отвечать головой. А чего стоило в тот день подробно выяснить положение дел на многих участках фронта, да и донести добытые сведения до КП армии, – я знал. И как-то сразу поверилось в нового, самого молодого работника оперативного отдела. И он стал под стать другим, уже испытанным офицерам. Не время было давать волю чувствам. Я не обнял и не расцеловал этого отважного парня, просто пожал ему руку, налил немного водки с припрятанной для особых случаев бутылки, дал бутерброд из своего завтрака и сказал: «Подкрепись вот, разрешаю два часа поспать, скоро потребуешься опять». Вот так знакомство у меня произошло с Крыловым. Уже за Доном я заслужил медаль «За отвагу». А позже получил за Сталинград и орден Красной Звезды.

Когда вы переправились на правый берег?

25 августа мы были в последнем этом бою, постепенно отходили еще к городу. На левый берег Волги где-то мы переправились 8–10 сентября. А вернулись обратно в октябре, в начале месяца, когда немцы перенесли главный удар с центральной части города, где положение спасла 13-я гвардейская дивизия. Получив хороший отпор, немцы перенесли свой главный удар на северные скаты Мамаева кургана и на заводскую часть города. Прежде всего это «Красный Октябрь», «Баррикады» и СТЗ. Но с севера СТЗ был блокирован 14-м танковым корпусом, и он отрезал от армии группу Горохова у Спартановки. И он пытался взять тракторный завод ударом с севера. На южных берегах реки Мечётки стояла наша оборона: учебный танковый батальон, который на тракторном заводе формировался, рабочие истребительные батальоны, полк десятой дивизии НКВД – они обороняли северную часть тракторного завода. Мне досталось направление в основном на тракторный завод. Много раз довелось встречаться с такими прославленными командирами – Жолудевым, Гурьевым, Гуртьевым. Особенно мне запомнился очень смелый и скромный человек Смехотворов, командир 193-й дивизии, которая состояла из моряков-североморцев и какого-то курсантского училища. Эта дивизия очень стойко дралась на заводах, отстаивала заводы, и она практически была отрезанным соседом от острова Людникова. 138-я дивизия переправилась вначале одним полком, отеснила противника между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады», и затем противник 14 ноября отрезал дивизию с трех сторон. Окружил слева, справа и с фронта, а сзади была Волга. И вот дивизия после бомбежек, после боев, всего было 500 человек, занимала по фронту 500 метров и в глубину 700 метров. Были случаи, когда отдельные автоматчики прорывались в центр обороны этой дивизии, этого плацдарма, выходили к дому, где находился командный пункт Людникова. Людников пробыл в обороне 100 суток, и так немцы и не смогли до конца капитуляции плацдарм этот ликвидировать.

Вы знаете, я должен сказать о сталинградском духе. Это особая аура. Во-первых, сам командующий Чуйков – смелый человек, грамотный человек. Человек, не придерживающийся буквы устава, а всё время мыслящий и ищущий новых форм ведения боевых действий. Под стать ему был член Военного совета Гуров. Спокойный, выдержанный, кстати говоря, после окружения под Харьковом он был понижен в должности. Там был членом Военного совета фронта, а здесь стал членом Военного совета армии. И еще более спокойный был Крылов, начальник штаба. Это герой Одессы, герой Севастополя и герой Сталинграда. Вот эта троица воодушевляла, то есть обозначала собой такую монолитную уверенность в победе, их уверенность передавалась командирам дивизии, и все видели, что буквально в боевых порядках находится Военный совет. Чуйков не уходит на левый берег Волги – не уходили и командиры дивизий. Командный пункт Чуйкова в 1200, иногда 800 метрах от переднего края. В то время, когда Паулюс (его командующим армией называли, но у него практически фронт под командованием находился) сидел в станице Голубинской, в 120 километрах от Сталинграда. Все командиры дивизий немецких находились в 20–25 километрах от Сталинграда. А Чуйков – в самой гуще этого боя. Это во-первых. Во-вторых, у всех накопилась не только ненависть, а такая злость. Начиная от рядового и кончая командиром любого ранга, такая злость: «До каких же пор нас будут бить? Почему мы не можем дать сдачи?» Люди шли на самопожертвование, чтобы только остановить немцев. Самопожертвование, может быть, не совсем правильно. Но дело в том, что шли на любой риск, но только любыми силами и средствами остановить немцев.

Анатолий Мережко (крайний справа) вместе со своим начальником Василием Чуйковым (второй слева)

В армии, независимо от политических органов, прошла волна комсомольских собраний, в результате которых принимались решения, что для комсомольца единственным оправданием оставления оборонительной позиции будет являться смерть. Поэтому все стояли, что называется, насмерть. И вот Дом Павлова. Ведь он оборонялся 58 дней небольшой группой. Там захватили его три человека во главе с Павловым, а потом пришел лейтенант Афанасьев со своим взводом, там укрепились. Ну, во всяком случае, где-то два взвода обороняли этот дом 58 дней.

Какое было ваше личное ощущение от нахождения в Сталинграде?

И в лучших мыслях нельзя было думать, что ты выживешь. Потому что смерть ежедневно тебя подстерегала. Ну, представьте себе, что такое три тысячи самолето-вылетов на заводскую часть? Три тысячи самолето-вылетов на ограниченное по глубине пространство. Представьте себе взрыв тонной бомбы. Разлетались цеха в разные стороны, стены рушились, заводские трубы рушились. Кстати говоря, на заводе «Баррикады» было 13 труб, к концу боев осталась всего одна труба. Ну там сидел наш наблюдатель, который корректировал огонь артиллерии. Вот эта аура – во что бы то ни стало отстоять. Приказ нарисовал ужасающую картину, в которой оказалась наша армия, наша Родина и наш народ. И там, вы знаете, сам подвиг не считался за подвиг, это считалось обычной рядовой работой. Если солдат, обороняя дом, оставался один, но у него был пулемет, противотанковое ружье, винтовка, он бегал от одного вида вооружения к другому, стрелял, оборонял этот дом один.

Вся, вы понимаете, вся тактика Чуйкова свелась к ведению ближнего боя. Если немцы нас гнали в степи своей волной танков, нависшей над головами авиацией и пехотой. Буквально как морская волна: она, наткаясь на молы, сразу утихомиривается. Так и здесь получалось: когда они вошли в развалины города, то они начали бояться. Немец привык воевать, чтоб у

него слева, справа был обеспечен фланг, а тактика, которую насаждал Чуйков и которая привилась в армии, – штурмовая группа. В её состав входила штурмовая подгруппа – это несколько человек, вооруженных легким оружием, в основном гранатами, автоматами, ножами, саперными лопатами; подгруппа закрепления, которая врывалась в объект. Она более многочисленная и имела тяжелое вооружение – станковые пулеметы, ручные пулеметы, противотанковые ружья, а иногда даже орудие. Третья подгруппа – обеспечения, которая обычно состояла из артиллеристов, химиков-огнеметчиков, которые обеспечивали фланги, чтобы эту штурмовую группу немцы не контратаковали с флангов. Они своим огнем отсекали, как бы оберегали эту группу с флангов. И, наконец, резерв. Вот из четырех таких подразделений состояла настоящая штурмовая группа, которая участвовала и в так называемой активной обороне. Мы всё время контратаковали. Немцам не давали отдыха, особенно ночью. Немцы и в степи боялись ночного боя, а тем более в городе. Они так ночным боем и не овладели как следует. А мы, наши солдаты, очень полюбили ночной бой.

Для того чтобы обезопасить свои части от ударов артиллерии и авиации, Чуйков приказал сближаться с противником на максимально короткое расстояние, на бросок гранаты. В этом случае немцы не могли бомбить наши боевые порядки, боясь поразить своих. Не могли обстреливать артиллерией, минометами. С одной стороны, это сближение с противником на 30–40 метров обеспечивало возможность наносить загущенным боевым порядкам немцев больший урон, чем они нашим одиночным бойцам, а с другой, наши тыловые структуры, скажем, штабы батальонов, штабы полков, расположенные несколько глубже, чем передний край, несли большие потери, чем вот эти передовые части, находившиеся в непосредственной близости от противника. Ведь дело доходило до того, что наши умельцы забрасывали немцев немецкими же гранатами. Немцы бросали гранату из своего окопа, она залетала в наш окоп, наш не растерявшийся боец брал эту гранату (а граната у немцев на длинной ручке была), швырял её назад к немцам. Она долетала туда и только там взрывалась. Потому что у них время горения запала было девять секунд примерно. А наша граната – три, четыре, пять. И наши даже так делали: выдергивали чеку и считали «раз, два, три», потом бросали гранату. И только она долетает до окопа немцев и сразу взрывается, уже у них времени подхватить нашу гранату и возратить её назад к нам не было.

Скажите, ваш боевой день из чего складывался? Как начинался и как заканчивался?

Никакого распорядка там не было. Единственное, что всегда хотелось, – спать. Потому что связь работала отвратительно. И не только потому, что связь плохая или плохо работали связисты, она непрерывно рвалась от этой бомбежки, от этих обстрелов, от движения танков немецких. И поэтому всё управление строилось практически на посылке офицеров связи, особенно в острые моменты боя. Скажем, вот в начале атаки заводского района 14 октября всё управление нарушено было. Больше того, наши радиосредства были не на высоком техническом уровне, и командиры просто боялись пользоваться радиостанциями. Немцы быстро засекали эту станцию и туда производили артиллерийский, или минометный, или авиационный налет. Обязательно. Или выходили на эту волну и вмешивались в разговор настолько, что передать какое-либо распоряжение или получить какие-то сведения было невозможно. Всё время они забивали, причем забивали не глушилками какими-то, а просто речевое забивание. Болтали на немецком языке так, что невозможно было понять, о чем мы друг с другом говорим. Кто-то третий вмешивается и мешает нам.

Где располагался штаб Чуйкова?

Штаб Чуйкова располагался в последнее время на юго-восточной окраине завода «Баррикады». Там был когда-то командный пункт Сараева – это командир десятой дивизии, там,

после Царицы... После Царицы – Мамаев курган. После Мамаева кургана – заводская часть. А потом отход на берег реки. И вот, как ласточкины гнезда, в отвесном берегу Волги были сделаны пещеры. Для командования высокого – поглубже и выбирали потолще над головой. А для остальных хотя бы пещера такая, чтобы можно было от ветра укрыться, кое у кого просто палаткой завешено было там, какой-то дымокурный костерчик. А у начальства печи-буржуйки топились. И широко использовались подвалы, особенно в каменных зданиях хорошие подвалы. Ну эти подвалы, как правило, занимали такие – до командира дивизии. Но командиры дивизии старались построить и хорошие блиндажи. А командир полка, командир батальона, командир роты в боевых порядках располагались в подвалах. В подвалах располагались медико-санитарные службы или там собирали раненых, там же были пункты питания. Вплоть до того, что даже баньки строились в этих подвалах, где солдатам можно было помыться зимой.

Куда опаснее всего было ходить?

Опаснее всего было ходить в заводскую часть. У меня был такой случай. Возвращался я с автоматчиком, уже выполнив задание, на командный пункт. И, видимо, ночью сбился где-то с пути. А, вы знаете, заводская часть, помимо того, что здесь были разрушены большие металлические конструкции, завалены дворы и трубы развалены, была вся заставлена железнодорожными составами, разбитыми вагонами, и платформами, и заводскими ветками. И вот где-то я сбился с пути и автоматчику говорю: «Какие-то там тени мелькают, давай-ка, друг, присмотримся. Ложись ты под одно колесо, я под другое, посмотрим, что такое». Немцы. Мы открыли по ним огонь, они по нам. Нас двое, а их человек, наверное, шесть-семь, в темноте не видно. Но, в общем, ведем огонь и уже переговариваемся. Я говорю: «В случае чего последняя граната моя». И вот, вы знаете, такое состояние, что вот-вот всё кончится. И вдруг сзади: «Полундра! В Бога! В креста!» Мы не можем понять, в чем дело. Через некоторое время выходят моряки: «Ну, старлей, спасибо». Я говорю: «Вам спасибо». А он: «Нам нужно было идти в разведку, а здесь ты нам подставил этих самых языков. Вот там несколько языков уложили, а двух взяли – одного раненого, одного живого. Нам не нужно идти ни разминировать ни свои минные поля, ни немцев, ни брать там языка, здесь уже готовый язык». Тяжело было пробираться на остров Людникова, очень тяжело. Всего – перешеечек, который отделял южный фланг острова от основных сил армии. Всего там 600 метров было, но преодолеть его было невозможно. Немцы не давали на лодках, скажем, приблизиться к берегу. В лучшем случае ночью, и то под огнем. Хорошо, когда на бронекатерах туда подходили. Но когда пошла шуга, а потом большие льдины, связь с левым берегом практически прекратилась. Настали голодные дни. Голодные дни и в отношении пополнения личного состава, и в отношении питания, и, самое главное, в отношении боеприпасов. И скапливалось большое количество раненых. По три-четыре дня не могли раненых вывезти на левый берег, катера уже не пробивались через этот лед. Были наведены два штурмовых мостика с основного берега на остров Зайцева, сейчас он затоплен, кстати говоря. А посредине Волги был такой остров Зайцевский. Довольно большой – от левого берега его отделяла протока... И в эту протоку вошла колоссальная льдина. И она закраинами зацепилась за берег, и образовался ледяной мост. Немцы старались бомбить, обстреливать, чтобы его разрушить. Всё равно, пользуясь этим самым мостом, с берега переходили на Зайцевский остров, а там – на левый берег Волги. Это уже немножко выручало, и несколько дышать было полегче. Причем Чуйков так говорил: «Лучше сходить три раза в атаку на земле, чем один раз переправиться через Волгу». Немцы обстреливали мельчайшие суда, не только корабли или речные пароходики, которые тоже использовались для сообщения, но и лодки.

Скажите, а вот вы говорите – голодные времена. А вообще, чем питались в это время? Что было?

Сухари. Вплоть до того, что сухари сбрасывали в мешках с У-2. И не всегда эти мешки попадали, к сожалению, к нам, иногда к немцам. И точно так, как и немцы в свое время пытались 14-й корпус обеспечивать по воздуху, многое из того, что предназначалось для немцев, попадало, наоборот, к нам. Самое страшное было для курящих – доставка махорки. В Сталинграде обычные, привычные в мирной жизни вещи теряли свою цену. Вот такой пример. Иногда лист газеты стоил гораздо больше, чем любая купюра. Из бумажных денег не свернешь сигарку, а здесь можно оторвать кусок, свернуть сигарку или козью ножку и курить. Баснословно ценились граммофоны, патефоны. Пластинка, если одна была, оберегалась больше даже, чем гранаты. Иголка – на вес золота, больше, чем на вес золота, шла. Её, беднягу, затачивали настолько, что уже там оставалось буквально еле-еле-еле. И особым спросом пользовалась пластинка. Вот участок обороны в 50 километрах. Помните, тогда «Катюша» – знаменитая песня. И дело доходило до того, что, когда нашим хотелось, чтобы какая-то передышка была, заводили эту пластинку. Немцы прекращали огонь, прислушивались, начинали подпевать на своих гармошках или просто слушать. Заканчивается пластинка, кричат: «Русь, еще давай! Русь, еще давай!» Еще раз прокручивают.

Что можете сказать про Чуйкова? О нем принято говорить сейчас, что противоречивая фигура.

Разве есть фигуры непротиворечивые? Он был смел, находчив. Доступен для солдат, и в то же самое время была свойственна ему грубость. Но даже Рокоссовский пишет, что только такой человек, как Чуйков, мог отстоять Сталинград. О нем можно говорить очень много. Ну вот даже его ведение. Если немцы не могли никак приспособиться к ведению городского боя, то он всё время искал способы ведения городского боя. Вот эта самая штурмовая группа. Ведь это его порождение. Ближний бой – его порождение, ночной бой – его порождение. Активная оборона, то есть не обороняйся, а контратакуй непрерывно, малыми силами, но контратакуй, не давай немцу покоя, не давай уверенности, что он здесь хозяин – это его... Всё это передавалось до конца.

Как воспринялось контрнаступление 19 ноября?

Может быть, командование раньше, а мы, офицеры, узнали часов в 12 ночи 18-го, что 19-го переходим в контрнаступление. 19-го числа был промозглый такой день. Туман большой, небольшой мороз, неприятная погода. Сколько мы ни слушали, ничего не услышали. Потому что это всё же на севере было, далеко от Сталинграда. Но здесь одна характерная деталь: 18-го числа штаб Паулюса отдает приказ войскам, находящимся в Сталинграде, 19-го числа вести разведывательные поиски на всем фронте обороны армии. То есть они еще не догадывались, что 19-го на них обрушится такая масса огня и такая сила удара. 20-го числа началось наступление Сталинградского фронта из озер Цаца и Барманцак. Мы артиллерийский огонь слышали. У нас здесь парадокс такой был: то мы старались немца не пустить к себе, били, а сейчас старались уцепиться, чтоб он от нас не ушел, чтобы он не вывел свои части для контрудара по флангам наступающих войск. Был приказ 62-й, 64-й армиям максимально приковать к себе противника для того, чтобы меньше сил он вывел, особенно танковых частей, для нанесения контрудара по флангу. Так что если для нас с 14 по 19 ноября более или менее спокойная была обстановка, уже немцы выдохлись – и ленивая стрельба была, и все прочее, то 19-го начались опять активные действия, чтобы не дать немцам оторваться от нас.

Еще одна характерная черта: если наступающие войска с севера, с запада на восток, на Сталинград, брали в день пленных по тысяче человек, то нам доставалось десятков-полтора. Боялись сдаваться сталинградцам, была пущена такая пропаганда, что сталинградцы обязательно всех пленных расстреляют. Мол, они настолько озлоблены, что будут расстреливать. И

нам только доставались те, которых мы вытаскивали из подвалов, блиндажей, и сами переходить боялись. И только-только 2 февраля начали появляться немцы с белыми флагами.

Как второе число начиналось? Какое оно вообще для вас было?

Второе число. Во-первых, массовая сдача пленных. Уже мы знали, что Паулюс пленен. В ходе операции «Кольцо» разрезали окруженных немцев на два котла. Южный котел, куда входил и штаб Паулюса, и он сам, капитулировал 31-го, а северный, заводской части района, как раз, где шли ожесточенные бои, которые возглавлял командир корпуса Штрекер, такой немецкий генерал, сопротивлялся до второго числа. Когда подошли практически вплотную войска Донского фронта, уже Рокоссовский командовал, тогда они начали сдаваться нам. Второго числа в 12 часов мы стояли на высоком откосе берега Волги и смотрели, как колонны немцев через реку тянутся в бескрайние степи. И причем, знаете, несмотря на то что вот такая злоба, такая ненависть к ним была, когда посмотрели на этих обмороженных, изможденных голодом, легко одетых немцев, тут аж жалко их было. Как же вы, сволочи, держались в таком состоянии?! Стоя на берегу Волги второго числа, я решил, что доживу до конца войны. Что характерно еще для нас, для сталинградцев, что если не наша армия захватила Паулюса, то капитуляция Берлинского гарнизона проходила на командном пункте Чуйкова. Говорили, что мы дойдем до Берлина и уничтожим в логове этого фашистского зверя. Так и получилось.

Как зародилось снайперское движение и как развивалось?

Вы знаете, не снайперского движения там не могло быть. Почему? Потому что пришло много сибирских дивизий и большое внимание снайперскому движению уделял сам Чуйков. И не только Чуйков, а командир 284-й дивизии Батюк, откуда был Зайцев. У него даже проводилось специальное совещание снайперов. И снайперское движение охватило настолько армию, что в армии было до тысячи снайперов. По некоторым подсчетам, они уничтожили до 30 тысяч немцев в общем. Зайцев обучал. Их так и называли – «зайчата». Медведев – был такой снайпер тоже, после Зайцева на втором месте по количеству уничтоженных немцев, «медвежат». Пассар – был такой якут. Тот вообще отличался исключительной выдержкой, исключительным спокойствием. Он тоже добил немало немцев. Большое движение в снайперском деле приняли женщины. Кстати, выдержка у женщин тоже очень большая, очень много женщин было снайперов.

Как хоронили погибших?

Никак практически. Тем более зима. Трупы коченели, не разлагались еще. Еще в сентябре, жара тогда, старались как-то и своих присыпать, и немцев. И немцам дать собрать своих. У немцев, кстати говоря, похоронные команды с самого начала были, а у нас уже потом они появились, было не до этого. И вот разлагались эти трупы, когда они мешали, когда дышать нечем, тогда уже принимались меры, чтобы как-то захоронить свои трупы и немцев. А когда морозы начались, собственно, только можно было стаскивать трупы в большие воронки и присыпать снегом и землей, вот все похороны. И не до этого было. Дело в том, что, если только ослаблялся где-то на два-три человека участок обороны, немцы моментально этим пользовались. И мы этим пользовались у немцев.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество Мерезко Анатолий Григорьевич

Военное звание Лейтенант

Должность, часть Зем. ком. роты 2го Орденом Суворовского пехотного училища

Представляется к награде орден "Красного знамени"

1. Год рождения 1921г. 2. Национальность Русский

3. С какого времени состоит в Красной Армии 1939г. 3. Партийность Член ВКП(б) с 1941г.

4. Участие в боях /где и когда/ с августа 1942г. Сталинградский фронт

6. Имеет ли ранения и контузии нет, нет

7. Чем ранее награжден /за какие отличия/ наград не имеет

8. Каким РКВ призван Новогерасовским Р. В. К.

9. Постоянный домашний адрес: /представляемого к награждению или его семьи/

1. КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДвига ИЛИ ЗАСЛУГ:

Лейтенант Мерезко в бою за населенный пункт Власовка, по приказу командира роты повел один из взводов в наступление. Умело и быстро продвигался вперед, первым бросился в атаку, увлекая за собой не только курсантов, но и бойцов соседнего подразделения. Громиными гранатами он заставил замолчать несколько огневых точек противника и в том числе станковую пулеметную, которая мешала продвигаться. Организовал сбор и вынос с поля боя раненых. Своими руками вынес тело погибшего командира батальона. За проявленную храбрость и смелость лейтенант Мерезко заслуживает высокой правительственной награды ордена "Красного знамени".

Начальник училища полковник Владимир Иванович Воскобойников

Военный училища ст. полевой

И. Савилов

" " Сентябрь 1942г.

Наградной лист А.Г. Мерезко

Что вы можете сказать о Фёдоре Смехотворове?

Несколько раз с ним встречался. Весьма смелый человек, но весьма скромный. Грамотный человек. Он сказал, что его дивизия состояла из моряков и курсантов, дралась она героически. В большой степени удержание берега у «Октября», даже у «Баррикад», зависело от дивизии Смехотворова. Дивизия Горишного там, дивизия Гурьева, Гуртьева... Ну дивизия

Смехотворова пришла несколько позже, она была более полнокровной, поэтому в большой степени оборона держалась вот на этой вот дивизии. Потом появилась последняя, к нам пришла 45-я дивизия Соколова, которая уже окончательно подкрепила эту оборону.

Какое ваше отношение к Сталину тогда и сейчас?

Если сказать честно, мое отношение к Сталину резко не изменилось. Тогда, хотя многие писаки опровергают, мы шли в атаки с лозунгом «За Родину! За Сталина!». Не раз поднимались в контратаки и атаки с лозунгом «За Родину! За Сталина!», «Ура! Вперед!». Ну потом и в Бога, и в Спасителя, и всё прочее. И сейчас я считаю его величайшим человеком. История когда-либо рассудит. Величайшие люди все допускали какие-то ошибки. Я не говорю, что он без ошибок или что нужно преклоняться перед тем, как он провел коллективизацию, чистку армии, никак нельзя это простить.

А.Г. Мережко после войны

Как вы относились к Адольфу Гитлеру перед войной?

Я о нем как-то тогда даже не задумывался много. Дело в том, что после войны мне довелось служить в Германии, в группе войск Германии, и много разговаривать с немцами. И не только с теми, которые уже служили в армии ГДР, или просто служащими, а с простыми рабочими. Многие о нем отзывались так: «Он для нас устроил богатейшую жизнь». Ну, вы знаете, в каком состоянии он принял страну и с чего он начал. Он начал со строительства дорог, аэродромов и военных городков. Причем для строительства дорог, как это ни странно, потребовалось какое-то количество лопат. Не какое-то, а большое количество лопат. Начала потихоньку развиваться металлургия. Потребовалось большое количество подвоя, обод для колес. Мне немцы говорили, что он с этого начал и постепенно довел страну до уровня довольно обеспеченного. А когда началась война и начался грабеж не только европейских стран, но и потом Украины и Беларуси, они все зажили, конечно. Все боготворили немцы. Потом, помимо посылок, эшелонами шло наше зерно, наше масло, наше молоко, наше мясо. Ведь немцы во время войны жили лучше, чем после войны или до войны.

Интервью: А. Драбкин

Лит. обработка: Н. Мигаль

Ликвер Михаил Львович

Родился я 23 декабря 1923 года в Одессе на Ярмарочной площади. У меня два брата было: один глухонемой, а один уже во время войны родился в Свердловске. Учился я в 30-й школе. Школ было мало в то время. Там, где сейчас Зоровский клуб, была школа Тургенева –

называлась она так, старая школа, русская. А 30-я школа была на Ярмарочной. Шесть классов там я кончил, и нас перевели. Начали строить школы на Сортировочной, на Балтской, и нашу школу построили возле автосборочного дома. Там, где сейчас этот автосборочный стоит, там была родилка старая, там я родился. У Второго Заливного, когда едешь по Богатова¹, серый дом такой, напротив родилки прямо – там была большая школа, но она разрушена во время войны... И там я уже был в 7, 8 и 9-м классе.

Когда девять классов кончил, пошел подрабатывать на завод Ленина. Завод Ленина – это «радиалка»², который сейчас на Молдаванке. Там было пять цехов: механический, кузнечный и так дальше.

Как вообще до войны жилось?

Более-менее. Хозяйство у нас было, свиньи – отец старался. Он работал плотником на маслозаводе, где сейчас тарный, и после работы оставался, поэтому и более-менее жили. А так все очень бедные были. Так отец стал работать на двух заводах, и его как члена партии посылали в колхозы, а что там делал он – я не знаю.

Мы, мальчишки, бегали на море, в футбол играли. Голуби – самое главное для нас было. Там, где сейчас пожарная часть, до войны строили башню. Мы лазили туда, на эту башню, казалось, что это так высоко.

Хорошо играли в футбол?

Я после войны еще играл. У нас команда «Шахтер» была.

А чего «Шахтёр»?

Потому что завод «Красная гвардия» относился к министерству угольной промышленности. Играли мы в первенстве Украины. Я пришел из армии, мне уже под 30 лет было, тогда команду только создавали. По городу играли, а потом уже, когда начали разъезжать по Украине, я не участвовал. Я левым краем играл обычно – здорово бегал.

В 1932, 1933 годах голодовка коснулась вас?

Да. Напротив мясокомбината железная дорога проходит, и слева склады. Там когда-то хлопок был: сначала масло делали из семечек, а потом из хлопка – техническое масло. И там бездомные спали, в этом хлопке. Многие там умирали, гнили: когда брали этот хлопок – так находили много трупов. А на море, на Ярмарочной, сделали детдом. Очень много бездомных было, потому что голод был и дети из деревень бежали в город. За этими детьми хорошо смотрели: форму давали – пальто, обувь, – кормили. А они всё равно тикали как бешеные с этого детдома. А уже перед самой войной там организовали оркестр и начали их учить музыке. Каждый день утром и вечером, во время поверки, выходили мальчишки, уже в военной форме, и оркестр играл. Весело было на Ярмарочной.

А когда отменили карточную систему, мама пришла, разбудила меня, говорит: «Мишенька, попробуй коммерческий хлеб». На Ярмарочной базар был большой, там такой балаган построили, и в этом балагане корм продавали для скота. И люди все начали держать хозяйство. Утята водились во всех дворах.

Были какие-то слухи о возможной войне с Германией?

Поговаривали так кто постарше. Я мальчишкой был, я не слушал – бегал. Мне бегать нужно было, и всё.

---

¹ Улица Атамана Головатого.

² Завод радиально-сверлильных станков.

И утром, значит, передали по радио (у нас был приемник «СИ-235» – страшный такой, как гроб), что сейчас будет выступать Молотов. Мы с пацанами бегали там, на Ярмарочной, за повозки цеплялись. Подъехала машина, остановилась на углу, около базара, включили динамик, и было выступление Молотова, что началась война. Мы, пацаны, такие довольные: «Ну сейчас наша кавалерия пойдет, Будённый и все». А у нас дядя Вася был дворник, чечен, он в Первую мировую еще воевал, у него два сына было. Он говорит: «Ой, хлопцы, что вы понимаете? Вы еще не знаете, что это такое». Ну мы узнали потом, что это такое и как против немцев воевать...

Когда началась война – началась эвакуация. У мамы брат был артист, он достал пропуск на эвакуацию, потому что не могли же весь город сразу вывезти. Родители хотели сильно, чтобы я поехал с ними, а я говорю: «Одессу не сдадут, и всё». Так газета писала одесская. Папа нанял повозку с завода, площадкой называлась: длинная, низкие борта – в городе на них продукты подвозили. Да, еще скажу: отец мой в 1905 году против царя выступал. Его арестовали, потом он сбежал из тюрьмы – подкупили участкового – и жил до 1918 или 1919 года в Австрии. А когда вернулся (тогда голод был, Гражданская война, родители гибли, детей полно), взял девочку на воспитание. И когда он женился на маме, эта девочка выросла у нас. Но она погибла: осталась здесь как еврейка... Так мама решила, что (Бетя её звали) меня оставят у Бети, а я их буду провожать и они уговорят меня уехать с ними. Погрузили продовольствие, всё остальное, доехали до Таможенной, и началась бомбежка. Мама испугалась, и они с папой возвратились обратно. А потом, когда я уже был в армии, они эвакуировались – в предпоследний день.

Теперь возвратимся ко мне. Ты знаешь, где клуб юных пионеров был? Это чуть дальше Второго Заливного, если едешь из города, – серое здание такое с большими окнами. Оттуда призыв был. Уже началась оборона Одессы, и здесь были отрезаны две дивизии: 95-я и 25-я Чапаевская 6-й армии генерала Харитоновна. На базе этих двух дивизий началась оборона Одессы. Солдат мало было, начали призывать, и я в семнадцать лет в этом клубе юных пионеров записался. Это было 21 августа. Нас погрузили на машину и повезли на 7-ю станцию Большого Фонтана. Там никаких строений тогда не было: посреди поля стояли навесы, лошадей поили солдаты – воинская часть какая-то стояла. И мы, значит, туда приехали: я, потом Митя Божкович и еще один – Максимович Вовка. Нам дали оцинкованную миску овальную с макаронами, человек на пятнадцать, наверное. Солдаты эти с ложками пришли: самое главное у солдата во время войны – ложка и котелок.

А мы посмотрели и начали палочками брать макароны. Палочками неудобно, руками начали – голодные. Приходили родители, плачут, солдаты их не подпускают к нам. А мы еще в гражданском все. Стреляют, и такое творилось, бог его знает что.

А потом нас всех перевели в артучилище. Там был 136-й запасной полк, и на базе этого призыва создали 421-ю дивизию, в которую я потом попал. Дня три поучили нас, как с винтовкой обращаться, дали форму – черные брюки шерстяные и коричневые гимнастерки – и отправили на фронт. Я попал в 95-ю дивизию под Дальник.

Что за форма такая?

Ну, где-то запасные вещи были – дали нам.

Когда мы ехали на машинах на передовую, нам люди махали и мы им тоже. Нас шесть человек в машине было. Да, я раньше думал, что солдаты с одеялом ходят, а это, оказывается, скатка. Так я распустил эту скатку и вижу: там полно бинтов, вата. Я полные карманы этого всего наложил, патронов тоже. Мне представлялось, если ранение – значит, обязательно нужно побольше бинтов. Не понимал, что маленькая пулька...

Ехали к передовой мы по пшеничному полю. Старшина – четыре, кажется, угольничка носил, старая форма – говорит: «Ребята, не высовывайтесь из машины». Ну, «не высовывайтесь», а оно ведь интересно всё. Я выглянул: в кукурузе стоят артиллеристы-моряки и стреляют

из пушек. Потом машина развернулась, мы подъехали к передовой, к посадке, и старшина дал команду: «По щелям!» Что такое «щель»: это узкий окоп такой, от бомбежки чтобы прятаться. По щелям так по щелям. Выскочили мы из машины, вижу, в посадке листьев нет на деревьях – от осколков, от пуль всё сбито. Нас трое прыгнуло в окопчик мелкий такой, для стрельбы с колена. Какой-то раненый к нам приполз, говорит: «Ребята, перевяжите меня. Я искал свою часть, не могу найти». Я думаю: «Господи, как это перевязывать?» В бедро он раненный был. Начали его перевязывать и боимся. Он говорит: «Знаешь что, парень? Вон, поползи, там в землянке медсестра есть. Она придет, окажет мне помощь». А рядом два солдата стоят под деревом. Я говорю из окопа: «А че ж вы не прячетесь?» – «А не всё равно, когда тебя ранит или убьёт?» – они связисты были, ну всё время ж по линии с катушками. Пополз я туда, там какой-то командир с женщиной любовью крутит. Говорит: «Что ты хочешь?» Я говорю: «Так и так». – «Иди отсюда». И я ушел. А вот этот парень, третий который был, он долго сидел и говорит: «Я не могу это выдержать», – поднялся и ушел. Мы ему: «Куда ты пойдешь?» Он ушел, а мы остались...

Да, самое главное: когда мы подъезжали, еще до передовой, нам дали кушать. По такому куску сала дали, дали хлеба. У меня дома от куриного бульона голова болела, а тут кусок сала. И воняет кругом – трупный запах страшный. Дали, значит, покушать и дали оружие – винтовки. Я небольшого роста, через меня это всё передавали наперед. Винтовки побитые, в крови, приклады посечены осколками. Я себе выбрал чистую, получше, и вот с этой винтовкой в первую же ночь меня и этого парня второго поставили в боевое охранение. Пришел комиссар проверять посты, нас снял оттуда и кого-то другого поставил. Куда там: мы сидели, пришли б румыны и забрали бы нас. И так начались боевые действия.

На второй день, что ли, мы пошли в атаку. Я бежал, и румын в каске поднял руки. Я ударил его прикладом по голове и побежал дальше. Что с ним было после этого, не знаю.

Через несколько дней какой-то командир ехал с документами в город, и нужно было, чтобы кто-то его охранял. И нас с этим парнем выделили. Наши должны были взорвать дамбу (её таки взорвали потом) и залить Пересыпь лиманской водой, если румыны ворвутся. А всех жителей предупредили, что они должны переехать в город. Поэтому мама моя жила на Островидова³. Приехали мы, значит, в город, а командир этот говорит: «Идите к коменданту города, он вас направит в другую часть». Я решил сходить домой. А мама жила у соседей – у тети Доры. Я пришел, а они увидели: винтовка выше меня, с двумя гранатами, – как начали бабы плакать. И, главное, возьми ж, дурак, отстегни штык – я со штыком был, ха-ха-ха.

И оттуда я попал в 421-ю дивизию. Там я уже участвовал в боях под Александровкой. Но там как: ведь необязательно нужно каждый день, чтоб ты стрелял и колол. Два-три дня можно вообще ничего не делать: артиллерия стреляет, а пехота сидит в окопе. А потом под Александровкой высадили десант, и мы соединились с ним.

Там повоевал я дней семь, наверное, и нас опять отправили в город. Мы стояли в родильном доме. Если бы румыны ворвались в город, мы должны были занять оборону в районе сахарного завода, где общежитие на повороте (там все окна были заложены мешками), чтоб они не прорвались дальше, за мост. Оттуда нас посылали в филармонию. В филармонии было бомбоубежище, из которого вывозили снаряды и мины. Офицеры там играли в бильярд, а мы, мальчишки, стояли на посту. И вот я стоял на посту ночью: снаряды рвались, одну женщину убило – руку или ногу оторвало, уже не помню, матроса одного ранило. А я сейчас другой раз прохожу мимо филармонии и вспоминаю всё это... А потом мама пришла туда, принесла блины мне картофельные. Я так обрадовался, а сам говорю: «Уходи, не дай бог, что-то случится».

Когда началась война, был приказ все радиоприемники сдать, чтобы не слушали пропаганду. А потом, перед сдачей, отдавали: они все находились в каком-то здании. Я думаю: «Вот

---

³ Ныне Новосельского.

бы мама пришла, забрала этот приемник». Ну мальчишка был. Это уже в Севастополе потом я посерьезнее стал.

До рукопашной не доходило в Одессе?

К счастью, нет. Во время войны в рукопашной я не участвовал.

Да, что еще интересно: я и Жорка Гильс, товарищ один, – мы, когда вышли с боев, решили побежать домой. Он жил под Живаховой горой, где в царское время кирпичные заводы были. А я сразу побежал на Ярмарочную к голубям. Там немец один держал голубей – Адик. Вышел Адольф с таким презрением, прическа как у Гитлера. Маму я не застал и брату своему глухонемому написал записку для неё, мол, я стою в родильном доме, приходи туда. Она пришла, начала спрашивать: «Тут Ликвер есть?» Начали искать меня, не нашли – значит, в самоволке. Я пришел, меня и этого Жорку посадили в туалет – двое суток ареста дали. Да, а ребятам во дворе я сказал, что стою в родильном доме. И на другой день пришли два парня, принесли двух голубей почтовых. Одного выпустили, а второй со мной остался – в вещмешке был. Я его поил изо рта.

К вечеру второго дня нас посадили на машины и снова куда-то повезли. Оказывается, мы выехали со Второго Заливного, въехали на сахарный завод, а за сахарным заводом грузился последний караван судов на Севастополь. Немцы бомбили, город весь в дыму был – страшная вещь. А до этого я ехал через Привоз: весь Привоз горел – они зажигалки бросали. Но вообще город был не сильно разбитый. На пароходы сетками грузили в трюмы снаряды и мины – самое ценное. А продовольствие и химмущество бросали в море, чтоб немцам не осталось. Бросали, один ящик упал – там бисквиты «Мария» были, очень вкусные. Я их в вещмешок наложил (и там голубь у меня), тут два мессершмитга пролетели, обстреляли нас. Один краснофлотец подбежал к спаренному пулемету, начал стрелять, а оказывается, это не его. Другой подбежал, начал драться с ним, говорит: «Уходи, я стрелять буду». Мы забежали в трюм, самолеты прошли над нами, с пулеметов прострочили и над самой водой стали уходить в сторону Лузановки. Один самолет вроде упал в море – так издали нам показалось.

А потом я, Жорка и еще двое ребят – Гоноровский и Донской – начали шептаться между собой, оставаться или нет. Я ж не знал, что родители эвакуировались. Мы решили остаться в Одессе – ну мальчишки были, не понимали, что это опасно. Один краснофлотец подошел, здоровый такой мужчина с усами, и закрыл нас в кубрике. Привел младшего лейтенанта, говорит: «Вот, они о чем-то договариваются. Может, они корабль хотят взорвать?» И лейтенант заставил нас идти в трюм, чтоб мы разгружали мины и снаряды. Мы туда спустились, а потом – я не помню, как и что, – мы оказались в море. Так эти два парня всё-таки исчезли, а я и Жорка остались.

На другой день я подошел к краснофлотцам, которые брились, и говорю: «Сбрейте мне усы». Они начали смеяться над моим «мхом», побрили меня. А я вспомнил, что у меня в вещмешке голубь. Написал записку и этого голубя бросил почтового. Потом уже, после войны, Миша Бондаренко (он умер в позапрошлом году), он помнил, как этот голубь прилетел с запиской с моря.

И уже в Севастополе я встретил соседа своего, родственника, он говорит: «Ты знаешь, что твои родители там, на таком-то корабле?» Я так обрадовался, хотел бежать, а меня не пускают. У нас из 36 человек, которые в роте, осталось 16 или 18 – поразбежались. Фронт был под Мариуполем, никто уже не верил в победу. Так командир роты не хотел меня отпускать. Лазарь его звали. Но потом всё-таки разрешил. Мы пошли, а корабля уже нет. И вот в это время в Севастополе немецкая авиация потопила наш крейсер «Червона Украина». А родители эвакуировались на теплоходе «Украина». И я думал, что родители мои погибли.

В Севастополе нас, молодежь, с 421-й дивизии направили на Мекензиевы горы. Туда с Евпатории на переформирование отступила 7-я морская бригада. Командовал ей полковник

Жидилов, моряки там в основном были. И уже в 7-й морской бригаде я провоевал и был дважды ранен. Первый раз на Итальянском кладбище, в январе, а второй раз уже тяжело был ранен в начале мая, тоже на Итальянском.

Можно подробнее?

В ночь на новый, 1942 год наши войска высадили десант в районе Феодосии и Керчи. И для того, чтоб немцев отвлечь, так нам объяснили, мы начали местное наступление на Итальянском кладбище. Я полз, а немец гранату бросил. Я увидел, как сзади она упала, но уже не мог ничего сделать. Взорвалась, и осколок попал мне в правую ступню. Хорошо, что не убила. Я лежал потом на Максимовой даче. Там раненых полный госпиталь: на полу, где хочешь, лежат. Это в кино показывают красиво, что там аккуратно так всё. И один моряк раненый, постарше меня, говорит мне: «Знаешь что? Вон какой-то моряк, он на тебя так посмотрел и дал тебе место на кровати, а сам пошел на пол лег». Я кричу: «Яшка! Яшка!» А он: «Я не Яшка, моя фамилия такая-то». Я говорю: «Да как же? Я же тебя знаю хорошо». А он прикинулся, что он татарин – не еврей. Чтобы его, если в плен попадет, не это самое... И когда он уже выписывался, расплакался и говорит: «Да, так и так, я такой-то». Штукман его фамилия была.

А второй раз тоже в атаку шли. На мне, значит, были ватные брюки, такие брюки и морские брюки, и ложка была деревянная – мама дала. И прямо в эту ложку разрывная пуля угодила. Эта рана у меня очень долго заживала.

Описать процесс боя можете?

Это мне тяжело рассказывать. Ну наступаешь, кричишь «ура!», в тебя стреляют, ты прячешься – вот это страшно. Ну что тут описывать? Даже Симонов пишет: «Что ж рассказывать это?» Ну вот я бегу, стреляю, в меня стреляют, я хочу вперед, пули летят, тот ранен, того убили, то назад отступаем, то вперед – это бесконечная такая вещь. А вот когда немцы наступали, мы, значит, отстреливались тоже и гранаты бросали. Другой раз вспоминаю, как немец прямо на меня несколько раз бежал, а я стрелял в упор. Глаза такие...

Там, под Севастополем, оборона была уже подготовлена. Были траншеи, землянки, окопы соломой обложены. Но это всё мы потом оставили, когда отступали, и уже на новых местах нужно было окапываться.

В Севастополе я первый раз увидел пленных немцев: молоденькие мальчишки, голодные сидят – ну такие же, как я, ты представляешь?

Кормили как?

В Одессе кормили исключительно здорово – всё ж оставалось. Нам давали котелок, там полкотелка каши, например, и столько же жира еще сливали. Вино давали – привозили повозку с деревянной такой бочкой. А под Севастополем очень плохо кормили. Голодные были постоянно. Рано утром на рассвете привозили кушать, например, и вечером – иначе к передовой не подойдешь. Давали суп-пюре гороховый – одна водичка прямо, перловку давали. Около Севастополя есть местечко такое, Инкерман. Там рядом Сухарная балка и склады артиллерийские Черноморского флота. Их взорвали, когда наши отходили, там очень много боеприпасов было. И там был завод шампанских вин. Так нам давали это шампанское. Сначала бутылку на четверых, а потом замполит пришел: «Как так? Это на двух человек надо! Что вы дурака валяете?» Ну начальство, им выгодно было – старшина и так дальше. А пить: попробуй шампанское выпить – с чего? Чашек нет. Так мы брали с немецких котелков крышки снимали. Оно всё выбегает – еще не знали, как правильно пользоваться. С пистолетов трофейных потом расстреливали эти бутылки. Пацаны, ну: боя нет – в бутылки стреляли, кто лучше. Возьмешь патрон наш, камнем ударишь – пуля чуть-чуть влезла внутрь, и можно было из парабеллума или из

вальтера стрелять одиночным выстрелом. Потом нужно было оттянуть – гильзу не выбрасывало.

Экипировка у вас какая была?

Винтовка та же самая, лопатка, противогаз обязательно. Но противогаз я выбрасывал.

Сначала под Севастополем наша бригада была в резерве Главного командования Приморской армии. Так нас перебрасывали то на Мекензиевы горы, то на Итальянское кладбище, то на Английское кладбище, то на хутор Каракуба – всё время на новом участке мы находились.

Как-то меня выделили со старшиной пойти за пищей. Взяли термос в рюкзак и пошли. Я подошел к одному краснофлотцу, говорю: «Морячок, с какой ты бригады?» Он посмотрел: «Мишка!» Я: «Мишка!», – друг на друга. А это Мишка Рабинович, его сестра дружила с моей тетей. Он погиб потом. И мы там задержались до того, что старшине прострелили бачок – суп весь вылился.

Потом прислали нам пополнение из Азербайджана, Грузии и так далее – сделали национальные дивизии. Эти азербайджанцы, что они делали! Они свои портянки снимали и в вещмешок складывали. И всё. Когда позже я лежал в Цхинвали в госпитале, полно их было – все калеки, с отмороженными пальцами. В палату нельзя было войти – воняло так мертвечиной. И потом стали все инвалидами войны.

А посылали, например, этого азербайджанца со старшиной перловую кашу нести, так он по дороге рукой из ведра половину каши, наверное, съедал. Краснофлотцы однажды одного так отлупили, как не знаю кого. Сало давали нам как сухой паек или консервы американские. У меня ни ключа, ничего нет, только штыком можно было пробить эту коробку. Так вот азербайджанцы – мусульмане, они сало не кушали. Они его складывали в вещмешок, чтоб где-то поменять на что-то. А наши краснофлотцы брали это сало и по губам им мазали. Те кричали так.

У нас был командир взвода, агроном азербайджанец: парень такой, техникум окончил – ветеринарный, что ли. Так он рассказывал: «Я ему говорю, а он мне: «Я твоя не понимаю», – азербайджанец азербайджанцу.

А до этого командиром взвода у нас был молодой лейтенант с подводной лодки – списали его. А я же учился в украинской школе, и вот мы как-то в землянке сидели с ним, и я ему что-то по физике говорю: «Формула потужности». А он: «Мощности». Я ему: «Да какой мощности? Потужности». И мы спорим такие (*смеется*).

На хуторе Каракуба – это возле деревень Нижний и Верхний Чоргунь – я нашел иллюстрации к книге «Пещера Лейхтвейса», которую очень любил в детстве. Я так обрадовался. И эти иллюстрации, этот выпуск – 32 листика – со мной прошли всю войну, в бумажнике были. Я их показывал морякам, читал им, анекдоты рассказывал – пацан был. Так немцы шли в атаку, а меня из землянки не хотели выпускать, чтоб меня не ранило и не убило.

Я был в первом штурме Севастополя, потом во втором, а в третьем не был – там все погибли, наверное...

Нас, тяжелораненых, эвакуировали на крейсере. Самолеты налетели, но они не бомбили – наверное, без бомб были, не знаю. Или просто не обратили внимания. Сначала я лежал в госпитале в Батуми, на Зелёном мысе. Потом в Цхинвали (раньше Сталинири назывался город) – это около Гори, где Сталин родился. А потом мне дали сорок пять суток отпуска, и я уже списался с родителями, которые жили у моего дяди в Свердловске. Наш эшелон успел проскочить перед тем, как немцы ворвались в Сталинград, когда большая бомбежка была. В Свердловске я снова лежал в госпитале – нога у меня не заживала. И оттуда я попал в Свердловское пехотное училище.

Там у нас был командир роты старший лейтенант Чайковский. Он вел переключку, дошел до моей фамилии и мне говорит: «Брат есть у тебя на фронте?» Я говорю: «Нет». А после

разговорились – оказывается, мой двоюродный брат у него на руках погиб. Они вместе кончали во Львове училище, звание им присвоили, и потом они отступали в 1941 году.

Там немножко проучился, а потом три пехотных училища: наше, Свердловское, потом Камышловское и Таллинское, в начале 1943 года отправили на фронт под Мценск – это около Орла. Я попал в 25-й танковый корпус, был в батальоне автоматчиков. И оттуда я пошел уже на Киев. Там мы в обороне были долгое время. Оборона – это не каждый день стрельба и бои: другой раз можешь два-три дня вообще не стрелять ни разу. Многие представляют так: если я на передовой линии, значит, каждый день стреляю. Нет, это не так совсем. Каждый день стреляют артиллерия и минометы – это постоянно. А я стреляю только тогда, когда иду в атаку или на меня идут в атаку, понимаешь? А многие думают, что на фронте без конца бегают и стреляют, как в детских играх. Это ж не война, в кино только так показывают.

После этого мы наступали на Львов, потом на Ровно, Дубно, Луцк – это всё пройдено было. Одно время я даже заряжающим в танке был. Ну недолго я был там – несколько дней, и танк наш сгорел. Полковник Плешаков, командир танка, лейтенантом был тогда. Около Брод я был ранен в руку – это третий раз. Оттуда мы южнее Варшавы прошли. И там уже в 1945 году возле города Пётркув-Трыбунальский я был последний раз ранен сразу в шесть мест: в спину, в обе руки и в плечи. Я долго провалялся в госпитале и вернулся уже перед наступлением на Берлин.

Ну что про Берлин? Я был на 1-м Украинском, и наш фронт должен был помогать 1-му Белорусскому: обойти Берлин с юга. Мы прорвали фронт, и наш танковый корпус ворвался на южную окраину Берлина. Несколько дней мы вели очень тяжелые бои: в двух наших танковых армиях почти все танки перебили, но их тут же пополняли новыми. У немцев фаустпатроны были, они сжигали танки: из подвала бухнул, и всё – танк горит. Уличные бои – страшная вещь: бежишь, немцы наверху, а мы внизу из автоматов в потолок стреляем, штукатурка сыплется, гранаты друг в друга бросаем.

Помню, наши танки стреляли, а немцы бежали через какой-то мост, между танками прямо прорывались. Я за немцем одним погнался, хотел его взять в плен, а он повернулся и что-то кинул в меня. Я упал, думал, что граната. Полежал немного, там кусты были, поднялся, а это пистолет. У него патроны кончились, и он кинул им в меня. Красивая такая ручка – полированная, деревянная, правда. Я патроны достал потом, смазал его, и всё время в сарае он у меня лежал, когда я уже на Ярмарочную вернулся. А потом я разобрал его на мелкие кусочки и выкинул – папа всё время говорил: «Выкинь его к черту»...

После этого Сталин дал команду, чтобы 1-й Украинский фронт снялся и пошел направо. Это было уже 30 апреля, за несколько дней до того, как Берлин пал. 30-го мы вышли с боев, а второго они уже капитулировали. И потом мы пошли на Прагу.

На Рейхстаге расписались?

Нет, я до Рейхстага не дошел.

Когда кончилась война, мы были в Чехословакии. Это было уже 11 или 12 мая. Поговаривали, что вроде конец войны, но мы не знали еще. А потом один танкист по радио услышал, говорит: «Война кончилась!» И полно власовцев пленили: молодые ребята, красивые, здоровые. С папиросами, с таким гонором ходили, с татуировками – противно смотреть было на них. Был там и ансамбль РОА (Русской освободительной армии). Они рассказывали, как в плен попали, что их не кормили. Многие думали, что удастся к нам попасть, а многие ненавидели советскую власть. А наш командир батальона капитан Якушев взял генерала Власова в плен. Мне власовец один рассказывал потом, как это вышло. Значит, власовцы частично были в нашей зоне и частично в американской. Наш Якушев появился в американской зоне, и какой-то капитан ихний – Кучинский, кажется, – подошел к нему и говорит: «Товарищ капитан, вы можете взять в плен командира дивизии РОА». (Буняченко, что ли.) Якушев говорит: «Давай,

пойдем, покажешь, какая машина». Они пошли, подошли к какому-то шоферу (это парень мне рассказывал, который участвовал в пленении), Кучинский говорит: «Где командир дивизии?» Тот: «А зачем тебе?» – «Да мы его хотим в плен русским сдать, и нас помилуют, может быть». Они стали искать и нашли машину, где сидел Власов. Генерал оттуда вырвался, бежать хотел. Ну это целая история... Короче говоря, вот этого капитана-власовца и двух солдат, которые помогли взять Власова, наградили: капитану дали орден Красной Звезды, кажется, а солдатам – медали «За отвагу». А остальных попросили, чтоб они помогли перевезти автомашины, которых очень много осталось. Так мы когда переезжали в сторону Праги, они перегнали эти все машины, и их всех потом «под лавочку» забрали. А там один был из Ростова власовец. Он работал в машине связи и был часовым мастером. А у нас у каждого часов трофейных полно. И он говорит: «Знаете что, ребята? Я только у офицеров буду сначала ремонтировать, а потом у вас». Он набрал часов и чухнул в ту зону, к американцам. Да, а Якушева наградили таким орденом, который обычно не дают командиру простому – орден Суворова 3-й степени. Так говорили нам. Насколько это правда, я не могу сказать, потому что я уехал учиться тогда.

М.Л. Ликвер в 1944 г.

У меня были такие случаи: я и топился, и горел. Ко мне немец один подбежал с автоматом – это было в 1944 году – и, по-моему, по-русски заругался. Ударил меня прикладом – у него патроны, наверное, кончились. И я из автомата его прошел. Это как получилось: танк наш горел рядом, а с другого танка вышел немец. А когда горит ночью, особенно летом, смотришь в сторону – темно в глазах. А танкист говорит: «Ребята, что ж вы, не видите, что немцы на вас бегут?» И вот этот немец ко мне подбежал...

Те два немца тоже притворились мертвыми, я пробежал, они прыгают на ноги: «Хенде хох!» – и ко мне. А сзади бежал еще один товарищ, Колкин, это Буг форсировали мы. Они увидели, что рядом танк (36 на танке, я хорошо запомнил), с перепугу винтовки бросили после всего, я даже не сообразил сначала, в чем дело. (Этот Колкин потом погиб.) А немцы эти под-

няли руки уже вверх, и я, значит, такой злой был: подбежал замполит – с Дальнего Востока прибыл, майор Бондарев, – я хотел стрелять, а он не дает. Я выстрелил в одного немца – убил. Второй вырывается, так я его ударил прикладом, он упал, попу подставил, и я полдиска, наверное, в задницу выпустил ему. Майору в глаз гильзы вылетали, он потом всё время это до конца войны вспоминал.

Скажите, а были случаи антисемитизма по отношению к вам во время войны?

Я тебе скажу, такого не было. Однажды в Свердловске, когда я был в пехотном училище, эстонец один шел и ногу не взял. Я говорю: «Возьми ноги», – по ногам ему. А он мне: «Ты, жидовская морда!» Так я начал драться с ним. Старшина это увидел, говорит: «Иди доложи командиру роты (он впереди вел нас со стрельбища), что ты дрался». Я подбежал, а там старший лейтенант-одессит, Дамбровский, что ли, фамилия его. Я ему рассказываю, он говорит: «Ты ему дал в зубы?» Я говорю: «Да». – «Ну и молодец, иди в строй».

А второй раз тоже: мы были на кухне, нам раздавали кушать, и парень один из другой роты, Яшка Иванов, хотел без очереди. Мы с ним поспорили, и он меня жидом обозвал. А мне так обидно было, так обидно было... А потом через некоторое время мы попали с этим Яшкой в окружение под Дубно. Он говорит: «Давай сдадимся в плен». Я говорю: «Ты что?» Рыжий такой, противный был. Если б я это рассказал, так его сразу бы арестовали и расстреляли. Я так промолчал, и потом куда он делся, не знаю.

В окружение вы когда попали?

Да каждый раз попадал. Несколько раз: и под Орлом, и под Дубно. Танки вот наши пошли (а мы на танках сидим), немецкая пехота отрезала нас, закрыла, и мы уже в тылу у них – нужно прорываться.

В каком звании вы войну закончили?

Старший сержант. У меня с этим неудачно складывалось. Сначала в Свердловске почти перед самым окончанием училища нас на фронт отправили. А потом, после войны уже, я попал на офицерские курсы политсостава в Вене – 1-й Украинский фронт там находился, Центральная группа войск. Проучился два с половиной года, и обязательно нужно было пройти курсы политэкономии. К нам приехал полковник из ГлавПУРа (Главное политическое управление армии) и распределил нас, курсантов, по училищам. Меня отправили в Саратов, в Саратовское военно-политическое училище. И там у меня неприятность была: я написал письмо сестре, когда ехал в Саратов, что нищета такая. Это письмо какими-то путями попало в ГлавПУР, и меня исключили из партии. Я написал, что творили чёрт-те что: насильствовали, грабили, ой... На 1-м Белорусском очень жестоко было, а у нас еще более-менее. Я сейчас расскажу. Мы, когда с боев вышли, перед тем как с Берлина сняться, настреляли кур и пришли в дом какой-то. Красивый дом такой. В этом доме немец жил: кафедра красивый в кабинете у него, кресло, такая обстановка. А нас несколько солдат было и три офицера. Пришли и хозяйке говорим, чтобы она кур сварила нам. А немец этот: «Нихтс, она не варит», – он, наверное, профессор был или генерал какой-то. Короче говоря, мы сами всё приготовили и сели кушать. Заставили попробовать жену: мы думали, чтоб не отравили. А немец этот сидел в кресле – не хотел с нами есть. Красивый немец, старик седой. И когда сели кушать, один офицер наш, Филатов, взял баночку такую, с вишнями, что ли. А у них не так, как у нас, закручивается банка, у них резинка, резинку вытягиваешь – открывается банка. Лейтенант, значит, открыл эту банку, достает ложку из сапога и хотел кушать. А немец: «Нихт!» – чтоб не открывали (для него, может быть, как лекарство). Смотрит так на него и выдает: «Русише швайн». Филатов по морде его... А мы, когда только пришли к ним, зашли в спальню: портянок у нас нет – простыни взяли порвали на ноги себе. Никто не церемонился. Война – это произвол, это страшная вещь.

Кто говорит, что мы там благородно, – не верь этому. Вообще, «разбой» – это по-румынски, по-моему, «война».

К Сталину вы как относитесь?

К Сталину... Ну что, «За Родину!», «За Сталина!» я кричал в свое время... Он умный очень был, но очень жестокий и не считался ни с чем. В каждой семье почти кто-то в тюрьме сидел. Все стройки держались за счет заключенных. Мне, конечно, как простому человеку нечего оценки давать Сталину – я не дорос до этого, но это личное мое мнение.

То есть не считаете, что войну благодаря ему выиграли?

Благодаря его жестокости и помощи Америки. Дело в том, что хоть и говорят, что Америка не воевала, Америка очень многим помогала. Я, например, когда лежал в госпитале в Свердловске, так там, значит, всё продовольствие американское было: рис, сахар, мука, сгущенка – всё. Кроме того, на фронте нам консервы американские давали, ботинки. Они нам столько помогли – страшная вещь. И вот как-то на заводе на День Победы мы выпивали, я поднял тост и говорю: «А давайте выпьем за американцев, за наших союзников». На меня напустились...

Германия, апрель 1945 (крайний слева л-т Чугунов, правее Валерко, через одного – артиллерист Мельниченко, крайний справа сидит Ликвер, лежит слева Берзник – начальник штаба)

Я слышал, что танки они плохие присылали.

Танки неважные. Что мне нравилось: на английском танке «Виккерс» пулемет был хороший. Там диск такой, 300 с чем-то патронов. А «Валентайны» ихние обычно в 3-й танковый батальон отправляли, в самый... Там 37-миллиметровая пушка была – слабенькая. И когда снаряд попадал в броню, вот такая дырка была сразу, крошилась броня. Потом бронетранспортеры такие маленькие давали, канадские, нукудышные.

Сейчас часто говорят, мол, мы «закидали трупами», «взяли количеством». Вы что думаете по этому поводу?

Количеством – да. По трупам шли. Я помню, под станцией Загнанск – это около Варшавы – трупы прямо в штабеля вот так вот были сложены. Метра полтора-два высоты и метров пятьдесят, наверное, в длину.

У немцев всё было продумано. Вот, например, солдат: у нашего солдата что можно было найти в карманах, у убитого или раненого? Красноармейскую книжку и махорку. Всё. А у них фотоаппараты, у каждого фотографии. У нас ни у кого фотографий не было. Я хотел, например, сфотографироваться во время войны, но я понятия не имел где. Только перед наступлением на Берлин у меня первые фотографии появились. Часов даже не было. На посту стоим, солдат постарше постоит полчаса и говорит: «Иди на пост вместо меня». А я стою, думаю: «Когда же два часа будет?» (*Смеётся.*) Они дурили нас, молодых пацанов. У нас армия была очень слабая. У нас автоматов даже не было. Винтовка СВТ была, которая самозарядная, так мы переставляли спусковой крючок, и она стреляла как автомат. Ну что еще? Расчески у них были. В котелочке у них, например, кусочек сала или творог. Чай им давали, кофе. А у нас этого же не было. Нам в этом котелке давали и суп, и кашу, и чай в этот котелок наливали – как животным. Это я очень прошу, чтоб ты не писал. Страшная бестолковщина была. Здесь, на Юге, еще более-менее фронт держался, потому что здесь румыны через границу переходили... Я не могу, я не хочу лишнее говорить...

Говорите, что считаете нужным.

Вот, например, такой случай был в Карпатах. 8 сентября в Словакии было восстание, и наши стянули войска, чтобы помочь. Провели артподготовку часа на два с чем-то, наверное. Пошли в наступление три танковых корпуса: наш 25-й, 31-й и 4-й гвардейский Кантемировский. И что ты думаешь? Я всего несколько немцев убитых увидел, остальные заранее ушли, и всё. Они уже знали, ты понимаешь? Местные жители даже говорили, что «рус Иван завтра будет стрелять», – так открыто двигались наши войска. А перемешали всё так, что танки не могли пройти. Кстати, многие думают, раз часть танковая, значит, там одни танки. Такого не бывает никогда. В танковой бригаде, например, было три танковых батальона. И, кроме того, был батальон мотострелков – это автоматчики, танко-десантная рота, рота ПТР, рота минометчиков, потом артиллерийская батарея. А в корпусе в три раза больше всё... И мы немного продвинулись в сторону Дуклинского перевала, а потом туда 4-й Украинский фронт перебросили, а наш, 1-й Украинский, отправили на Сандомирский плацдарм, чтоб оттуда наступать на Берлин.

А до этого три моих товарища погибли под городом Кросно – это на границе Польши и Словакии. Снаряд попал в окоп, и всех убило: Саша Зарожаев, Вася Пушкин и Артёменко...

Войну вспоминать очень тяжело, страшные вещи были. Много забыто, потому что не рассказываешь никогда. А потом вспоминаешь... Я недавно хотел найти одну фотографию интересную, фронтовики там наши. У нас был командир взвода Афонин. Он сам был родом из Ворошиловска на Амуре. Я хотел сильно написать туда письмо с фотографией, но не могу её найти. Этот Афонин был сержант, но он больше разбирался, чем другой старший лейтенант. Его уважали все: он сначала был помкомвзвода, потом командиром взвода. И вот, значит, такой случай. Он был ранен в грудь и, когда уже пришел к нам из госпиталя, всё время говорил: «Если бы чуть ниже пуля попала, так пробила бы партбилет». А я говорю: «Александр Васильевич, если бы ниже – так в сердце попала бы». А он был всегда уверен, мол, «если что-то случится, я ручаюсь, что Ликвер меня вытянет, не оставит», потому что мы больше года совместно воевали, с 1943-го. И что интересно: когда его ранило при мне и я его перевязывал, он мне сказал: «Знаешь что, Миша? – я был помкомвзвода тогда, а он командиром взвода. – Должны прибыть фотографии моих дочерей. Сохрани их. Я буду стараться попасть в наш танковый корпус».

И вышло так, что перед наступлением, о котором я рассказывал, 8 сентября 1944-го, шло пополнение, и выскочил один солдат: обнимает меня, целует. Командир роты говорит: «Что такое?» – новый командир роты. А солдат этот: «Ты мне спас жизнь!» А он был такой вредный, ему лет за сорок было, он нож никому не даст, Савин фамилия его. Но приятно было, когда он меня перед молодыми солдатами расхваливал. И в этом же пополнении был Афонин.

И вот он прибыл, и возле деревни Поток, как сейчас помню, наши начали артподготовку. А потом передали, что к окраине подходят немецкие танки. Танкист наш по радио говорит: «Пусть артиллерия бьет по деревне». А это наши танки были... И под сильный обстрел он попал, его смертельно ранило, и он умер у меня на руках. Это в первый день – он только прибыл после госпиталя. Я похоронил его, даже не помню как, и эти фотографии, которые пришли, пока он лежал в госпитале (две фотографии двух дочерей), я выслал в Ворошиловск на Амуре. Они были в крови, и вот не знаю, пришли они или не пришли, потому что никакого ответа не было. И я всегда снимаю шапку, когда вспоминаю Афонина: он хотя старший сержант был, но его так уважали, такой мудрый был, замечательный человек.

На передовой каждый день ты находишься под страшным огнем. В любой момент можно погибнуть. Даже другой раз не стреляешь, а прилетел откуда-то снаряд, и человека убивает. Сколько таких ребят!.. Я другой раз вспоминаю, столько фамилий записываю, которые запомнил: тот так погиб, тот так. А кому я могу рассказывать? Мы когда форсировали реку Западный Буг, так пошли в атаку десантниками. Спрыгнули с танка в картофельное поле, и был у нас один председатель колхоза из Винницкой области, красивый такой мужчина. Он: «Помогите!» Я подполз к нему, а у него кишки вывалились. Лежал на картошке, говорили, что он умер потом. И тоже немец рядом в окопе вот так держал автомат и так вот машет. Я поднялся – или он стрелял, или кто, я не знаю, – стрельба по мне была.

Вручение партбилетов на р. Одер, Германия, апрель 1945 года (крайний справа подполковник Логачёв из политотдела со своей овчаркой)

К концу войны тех, кто с 1941-го воевал, почти не осталось, наверное?

У нас не было. Может, в других батальонах были, я не могу сказать. Один у нас был парень, он рассказывал, что с первого дня войны был в дивизии, которая потом стала первой гвардейской – 100-я дивизия. Говорит: «Мы выбежали из казармы, и немецкие самолеты стреляли прямо в ворота».

Если бы не земля-матушка, мы бы все погибли. Весь воздух в осколках и в пулях был. Чем мина отличается от снаряда: если посмотришь на воронку – как расческой провели над самой землей. Я помню, как-то мы под мостом одним были и обстрел страшный начался. А у нас старшина один был, Марченко, здоровый такой. Так я с перепугу под этого Марченко. Он говорит: «Что ты под меня лезешь?» (*Улыбается.*) Это кажется, что все герои...

А «лисьи норы» рыли?

Под Севастополем были такие, да. Вот что интересно: немцы в обороне стояли под Орлом, так у них везде обязательно окопы были деревьями обложены – песок за шиворот не сыпался. У них всё было сделано аккуратно. Особенно березы они любили. А наши прямо как в говне были, так и остались. Говорю как есть.

А в туалет как ходили, если в окопе?

На лопатку и с окопа выбрасывали. И что интересно: под Севастополем, когда второй штурм начался, мы отступали через эти самые кучки замерзшие.

Вши заедали. В Бродях уличные бои были, и попался мне свитер. Такой красивый, думаю: «Я где-нибудь поменяю». Солдаты как: где-то что-то найдешь, и сразу в деревне менять на картошку. Голодные всё время были... Надел этот свитер – что такое? Чешется. Как глянул, а там вшей, хоть молотком стучи! Немец какой-то сбросил с себя, наверное. То мы возле церкви остановились, когда на формировку вышли с боев. И сели солдаты вшей бить. Пришел священник, привел замполита нашего: «Что это такое?!», – выгнали. Что интересно: немцы белье свое бросали, а у них оно не такое было, как у нас, а как вязаное. И эти вши так затыкались туда, и не понять: вроде чистое белье, а надеваешь – во вшах.

А к концу войны, уже начиная приблизительно с 1944 года, банно-хозяйственные комбинаты появились. Там женщины были, мы ходили купаться. Вот я в 1941 году как ушел в августе и не купался до декабря нигде. Ты представляешь, состояние какое? И уже под Севастополем мы пошли в какую-то баню на корабельной стороне. Стали наши вещи в вошебойку класть. Сказали, чтоб все патроны и запалы повынимали, потому что от температуры они загорятся. И там, главное, в бане открываешь кран и кипяток в морду бьет. И с шайками все бегают голые. А потом покупались, вышли – вещей наших нет. Метров сто вот так вот по снегу мы шли голые, свои вещи искали. А они вот так вот перепутались – все вещи ж одинаковые.

А потом раз в два-три месяца ходили, когда на формировке были, в баню. А так вообще не знали, что это такое. Я говорю, у меня живот весь разорванный был. Стою на посту, например, и об танк трус, трус – чувствую, как бегают они. Это страшно, хоть молотком так стучи и бей их. Так под Шепетовкой, когда сменились, я пошел и сел на плиту – вшей жарить. А у меня белые брюки ватные такие были, и задница загорелась (*смеется*).

Я помню, как через какую-то реку мы перешли, немцы идут в контратаку, а мы сидим, ботинки снимали – сушимся. Босые стреляем зимой.

Никогда не забуду, как два танка наших подбитых стоят (немецкие самолеты подожгли), рядом кухня, и стоит солдат наш, какой-то из кавказцев. Стоит и кашу горелую ложкой еле вытягивает и жрет. Мы так смеялись, со стороны смотрели – лопнет скоро живот: она вонючая, знаешь, когда горелая, а он кушает всё равно. А хлеб: старшина наш, Афонин, в 1943 году, кажется, делил пайки хлеба на плащ-палатке и говорил: «Берите». И все друг через друга переваливали, думали, что эта паечка больше – каждый хочет кушать. Но наши ведь не пишут, что

мы голодные были. Так о нас «заботятся»... Присылали помощь – подарки из тыла. Начальство самое лучшее себе забирало: телогрейки, меховые подстежки разные. А нам отдавали платочки – такое всё, дребедень. А сейчас читаю, пишут: такая «забота» была, у-у-у... Или дали, например, консерву американскую – сухой паек. Вкусная такая, замечательная – «Лярд» называлась. И вот я сижу в окопе, у меня автомат: как я могу открыть эту коробку и покушать её, ты не знаешь?

Штыком, наверное...

А если у автомата штыка нет?

Хах, и как открывали?

Я уже не помню. Но умудрялись как-то, жрать же нужно.

У меня товарищ был Васька Пушкин (он потом погиб, я рассказывал). Так он, когда мы на Западной Украине были, каждый раз говорил: «Пойду панов курочить». Как-то мы были возле одной деревни, и он пошел мед доставать. Приходит – я его не узнаю. Что такое? Морда вроде похожа на Ваську. А он, оказывается, рамки с сотами из этих уликов доставал, и его пчелы обкусали. Вот такие глазочки стали узенькие. Так в этом селе мы кур стреляли. Ну я, старый голубятник, куриц моментально ловил. Только начну эту курицу варить, тут – «По танкам!». Схватил этот котелок, еду на танке с целой недоваренной курицей в котелке. Ну всё равно хватали куски мяса, полусырые жрали. Вот солдата на фронте в любое время разбуди – будет хотеть кушать и спать. Жрать и спать всё время хотели. А сейчас смотрю, герои все такие. Когда начинаешь говорить такие вещи, сразу «Что ты врешь?», «Что ты болтаешь?», «Наша армия...» – начинают доказывать на возвышенных тонах. Какие возвышенные тона могут быть?

У меня товарищ был, он тут остался, в Одессе, – он скрывал это. У него на лице шрам был, он говорил, что румын его штыком ударил. Если б ударил штыком, так голову снес бы. А брат его говорит: «Это Иван нырнул за продуктами (когда мы грузились за сахарным заводом) и за колючую проволоку зацепился». А потом как-то французская делегация к нам приезжала. Спрашивают: «А как вы Одессу оставили?» Я говорю: «Я выехал», рассказал. А Иван: «Я был тяжело ранен в живот и выехал на Большую землю». Да он на корабле в жизни никогда не ехал и скрывал, что тут остался. А потом в 1944 году его взяли в армию. Так сразу ж тоже на фронт не отправили – учили их. А потом он с полгода повоевал, но столько рассказывал, что ты себе представления не имеешь! То лошадь захватил у румынов, привез, командиру полка подарил – как в кино только. То он стрелял через ствол пушки (мы с женой были в гостях у него, он уже умер два года назад, пусть меня простит Бог), так два раза выстрелил, и, когда подошли, у немца две пули были во лбу. А жена Нина говорит: «Иван, ну ты же врешь. Ну одну пулю ты ему в лоб, а как же вторую?», лишь бы болтать. И многие вот, я смотрю: «Когда ты воевал?» – «В 1944 году пошел». – «А что ты до этого делал?» – «Прятался».

Вот один у нас был, Нопин, тот, что я говорил, из 1-й дивизии гвардейской. Он в то время, в 1944 году, уже был шесть раз ранен – как я за всю войну. Так мы перед ним прямо шапку снимали. И он, бедный, потом как сумасшедший стал. И куда он делся, я не знаю. Помню, три танка стояло наших и меня оставили эти танки сторожить. Я стоял-стоял, мне казалось, что уже время вышло, – часов-то нет. Пошел в домик, а там наших ребят молоком горячим угощают. Зашел, мне хозяин тоже хотел налить, а Нопин подбежал, говорит: «А чё ты танк оставил?» Я говорю: «Как оставил? Там танкист есть. Я его постучал, сказал, чтобы он посмотрел за танком». – «Так он же мертвый!» – и автоматом как ударил, аж чашка у меня вылетела. Так молока и не попил. Знаешь, как обидно было? По сегодняшний день помню.

Так вы мертвого от живого не отличили, что ли?

Ну ночь же, а он на танке лежал, плащ-палаткой накрытый – там тепло обычно. Я ему сказал: «За танком смотри, я ухожу», и пошел. Знаешь, когда будишь человека – многие делают вид, что спят...

То у нас один солдат был с Горького. Вдруг он получил письмо от сестры, что его жена родила. А он уже два или три фронта воевал. И он с ума сошел вообще. Представляешь? Дети остались – его брат погиб, и он детей его взял. А самого его позже на фронт взяли, потому что специалист хороший был, на Горьковском автозаводе работал. Много было... Там самое главное – ни о чем не думать. Будешь думать – это пропавшее дело. Дрожать начинаешь. Не думай, как автомат будь: тебе сказали – ты иди туда.

Я тебе рассказывал, как под Киевом нас танки давили? Я был тогда в роте ПТР. Да, еще такая вещь. Нам сказали по «тигру» стрелять по переднему катку или по стволу – ну это анекдот. Так нас учили, пэтээровцев. Это смешно же... Так вот, мы стояли где-то в поле, мерзли, и тут кто-то говорит командиру роты: «А чего мы тут мучаемся? Вон же рядом деревня. Танки вон, дома». Побежали туда – там немцы. Побежали обратно, а окопы только начали рыть (это в декабре 1943-го было). Танки те, 13 штук, развернулись и к нам. И почти что вся рота наша там погибла. У меня товарищ был, Саша Спасов, хороший парень, мы вместе в Свердловском училище были. Он рассказывал, что во время блокады Ленинграда двух кошек с бабушкой скушал. Тоже погиб, красивый парень такой. Так танк на окоп наезжал и разворачивался так. Я маме написал письмо, и то письмо не пришло – цензура не пропустила. Кстати, что интересно: мы, когда были на формировке, с ракет немецких делали красные чернила. Вот тут у меня письма есть, можешь посмотреть.

«Всё, что осталось от нашей роты». Сидят слева направо: Королёв, Шумейко (к-р роты), Филатов (к-р взвода), через одного Ликвер. Первый слева стоит повар, третий слева Кудинов (расстрелян за мародёрство и насилие), пятый слева Кусь. Перед наступлением на Берлин

Танки вам случалось подбивать?

По этому танку со всех сторон стреляют. И тот стреляет, и этот. Я могу сказать, что я подбивал танк или бронетранспортер, например, только если он ехал прямо на меня.

То раз мы за языком пошли. Смотрим, немец на посту стоит. Обошли вокруг, только на него, а он – раз! – убежал. А у них были такие соломенные сапоги от мороза, так он эти сапоги оставил (*смеется*).

То немцев двух, Ганса и Макса, взяли в плен и на танк посадили. Полночи ехали, пели песни, «Катюшу» они с нами пели по-немецки – молодые ребята. Потом попали под огонь, мы попрыгали в снег, а там лейтенант один был, Леин, комсорг бригады, он подбежал и взял застрелил их. Так мы чуть не отлупили этого лейтенанта. Он такой был, как зверь, у него вся семья погибла в Белоруссии. Так жалко было этих двух немцев.

Сейчас к немцам как относитесь?

Прекрасно: внучка вышла замуж за немца.

Что по поводу НКВД и заградотрядов скажете? Сейчас пишут, что они стояли сзади и своим в спины стреляли.

Я тебе скажу так: в меня не стреляли. Сейчас многое преувеличивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.